

Литрес

Мастера
профайлинга

дело!

охотник рядом!



Феномен:

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Автор:

Влада Ольховская

Мастера профайлинга

Влада Ольховская

Зимнее солнце

«Влада Ольховская »

2024

Ольховская В.

Зимнее солнце / В. Ольховская — «Влада Ольховская »,
2024 — (Мастера профайлинга)

Обнаженная девушка обнаружена замерзшей насмерть на вершине старой сосны среди заснеженного леса. Никаких указаний на убийство нет, и полиция считает произошедшее пусть и очень странным, но все же несчастным случаем. Однако в эту версию не верит судмедэксперт, который обращается за помощью к старому другу – легендарному профайлеру Николаю Форсову. Вот только сам Форсов из-за болезни больше не способен вести охоту на преступников. В затерянную среди снегов деревню он посылает своих учеников, которым предстоит разобраться в загадочной смерти. У них, как и у полиции, нет ничего – кроме умения тонко понимать все причуды человеческой души.

© Ольховская В., 2024

© Влада Ольховская , 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Влада Ольховская

Зимнее солнце

*Сюжет книги частично основан на реальных событиях.
Изучение человеческого разума – путешествие, которое
никогда не завершится.*

Глава 1

Девушке, сидящей в такси, оставалось жить от силы минут двадцать. Она просто еще не знала об этом.

Хотя, конечно, догадывалась – и догадываться начала уже давно. О том, что не все в порядке, так и вовсе несколько недель назад, когда началась вся эта история. Нехорошее предчувствие появилось у девушки сразу, с первой встречи, после того как она открыла дверь. Мужчина, стоявший на пороге, еще ничего не сделал, а его невольной собеседнице сразу же захотелось податься назад, спрятаться, создать преграду между собой и этим человеком. Запереть все замки и долго-долго не выходить из дома одной.

Она сдержалась, конечно. Он был мил и вежлив. За ней наблюдала соседка по комнате. Не было ни единой причины вести себя как истеричка. Девушка убедилась, что проблема не в госте, проблема в ней, это у нее нервы шалят. Мужчина просто стал случайной жертвой ее настроения, он вел себя безупречно, дальше обязательно станет лучше.

Однако дальше стало только хуже. При каждой их встрече у девушки будто мороз шел по коже. И не важно, какая погода царилась за окном, насколько хорошо топили в комнате, холод появлялся всегда, мышцы невольно напрягались, сердце начинало биться быстрее. И это было не взволнованное сердцебиение случайной влюбленности, это был барабанный бой, прилетевший из времен, когда не было города, а было племя, и джунгли, и дикие звери. Дерись или беги – вот чего требовал этот грохот внутри. Но она, конечно же, не побежала и уж точно не устроила драку. Она была цивилизованной женщиной двадцать первого века.

Поэтому она просто терпела, сидела на месте, делала свое дело. А мужчина по-прежнему был вежлив и внимателен, он говорил строго по делу, и девушка никогда бы не смогла объяснить ни своим друзьям, ни тем более полиции, что ей не нравится. Но она-то знала... Как же он смотрел! Взгляд темный такой, блестящий, как битое стекло, покрытое свежей кровью... Этот взгляд видел больше, чем человеческие глаза, и преграды для него не было, его не останавливали ни слои одежды, ни скрепленные на груди руки. Он видел все, надрывал кожу, нырял в артерии, ввинчивался в мышцы. Он забирался в голову и царапал черепную коробку изнутри сотнями темных образов – того, что еще не случилось, но могло случиться.

Беда в том, что взгляд этот распознавали инстинкты. Те самые древние, звериные, которые позволили человечеству прожить так долго и при весьма скромных природных данных взобраться на верхушку пищевой цепи. Мудрые инстинкты, которые знали истинную правду – о жизни и смерти.

И они почти уговаривали девушку бежать, но потом вмешивался разум, такой сложный, развившийся где-то в лобных долях за тысячи лет эволюции. Высокомерный и презрительный, осмеивающий свою владелицу за то, что ей хотелось совершить, говорящий с ней голосами матери и подружек, создающий в ее фантазии текстовые сообщения из социальных сетей. Ты что, дура? Ты хочешь отказаться от таких легких денег? Они тебе нужны! Да и потом, если ты шарахнешься от этого клиента, где гарантия, что ты точно так же не шарахнешься от следую-

щего? Проблема не в нем, проблема в тебе, не смей убежать! Просто веди себя умно, девочка, и все будет хорошо!

У цивилизованного общества есть правила, и, если их соблюдать, ничего не случится. Вот в чем убеждала себя девушка, отправляясь на каждую новую встречу со своим будущим убийцей. Она предприняла все меры предосторожности. Она записала его адрес и телефон и передала подруге. Она однажды сделала его фото и сбросила в чат с соседкой. Он знал об этом, знал, что она подготовилась, но продолжал смотреть на нее так долго, так странно... Она никогда не оставалась с ним наедине, не проводила уроки ни в его квартире, ни в своей, только в кафе или любом другом общественном месте. Она убедила себя, что этого будет достаточно.

Конечно, это не спасло бы ее. Главная проблема заключалась в том, что девушка судила этого странного человека по собственным стандартам. По правилам, написанным для здоровых людей, по законам цивилизованного общества. Она забыла, что в иных людях звериного больше... Или просто не знала. Откуда ей было знать?

Она не представляла, что все ее методы подстраховки разве что позабавят мужчину. Ей казалось, что это очень страшно: попасться, отправиться в тюрьму... Ему было не страшно. Может, рассчитывал разыграть карту безумия. А может, желание получить эту девушку было сильнее нежелания лишиться свободы. Пройти этот путь, испытать всё и потом долгие годы наслаждаться воспоминаниями. Одни поддаются древним инстинктам охотней, чем другие, особенно если эти инстинкты извращены и больны.

Лучшим, что додумалась сделать девушка, было обращение к Гарику.

– Здравствуйте! – нервно улыбнулась она при первой встрече. Она теперь все делала нервно, потревоженные инстинкты не давали ей покоя. – Это ведь вы Игорь Дембровский?

– Это я. Только не Игорь.

– Простите, мне ваш номер дали с пометкой «И. Дембровский», мне следовало еще при телефонном разговоре уточнить...

– Не страшно. «И» верно, только это не Игорь. Зовите Гариком.

– Да как-то неловко...

– Ничего, все справляются. Ксения, да?

– Да...

– Начинайте рассказывать, Ксения.

Она начала – сразу, без сомнений, потому что давно уже хотела рассказать. Ее наверняка убедили, что Гарик психолог, и она не сомневалась, что психологам можно доверять. Еще одно заблуждение цивилизованного человека. Гарик не собирался разубеждать ее ни в этом, ни в собственной роли, иногда от истины одни проблемы, ей куда больше идет наряд удобной всем правды.

– Рассказать я могу не так уж много... Я репетитор, преподаю французский язык, это финансово помогает... Он, мужчина этот... Он однажды вечером пришел. Просто пришел и все, прямо к моей квартире! Я часто принимаю учеников у себя, я к такому уже привыкла, но прошу их предупреждать меня, если они дают кому-то мой адрес... Ему мой адрес никто не давал.

Ксения была многословна – со словами уходил накопившийся страх. Гарик понимал это и не торопил, он слушал все, а потом очищал смысл от кожуры ненужной болтовни. Смысл получался нехитрый и, на взгляд Гарика, очевидный.

Однажды вечером к квартире Ксении пришел молодой незнакомец и попросил взять его в ученики. Пояснил, что узнал о ней из социальных сетей, адрес дал один из ее студентов, но кто – он так и не смог сказать, якобы забыл, встреча была мимолетной. Ксения, которой он сразу не понравился, попробовала отказаться, сославшись на загруженный график. Мужчина предложил двойную плату. Вот тогда и началась вся эта чехарда с доводами разума о том, что деньги на дороге не валяются и нельзя быть такой истеричкой.

Мужчина согласился на все ее условия – на встречи в кафе при свете дня. Ксения решила, что это хороший знак, но беспокойство все равно ее не оставляло, оно нарастало, как снежный ком. Вот тогда девушка и удосужилась попросить о встрече Гарика, с которым теперь беседовала в маленькой кофейне.

– Скажите мне, что я просто вообразила лишнего, – попросила Ксения. – Я и сама это понимаю, но если скажет специалист, мне будет легче...

– А я такого не скажу, – беззаботно отозвался Гарик. – Он псих. Он тебя убьет. Беги.

Да уж, за такой ответ Форсов бы его не похвалил... Но пусть Форсов работает своими методами, а у Гарика были свои. Зачем вешать рюши на уродливые факты? Гарик прекрасно понимал, что сразу девушка ему не поверит, однако шок определенно настроит ее на нужный лад, позволит подсознанию хоть раз дать пинка рано расслабившемуся разуму.

Несколько секунд Ксения от удивления не могла произнести ни слова, просто смотрела на собеседника широко распахнутыми глазами. Гарик воспользовался паузой, чтобы сделать несколько глотков из высокой чашки с тыквенным латте. И все-таки гадость... Он и сам не понимал, почему заказывает эту мешанину снова и снова, надеясь, что станет лучше. Должно быть, и в нем цивилизованный разум чудит.

Наконец Ксения опомнилась:

– Подождите... Вы что?.. Вы серьезно сейчас?!

– Ну да. По-моему, отвратительная тема для шуток – твоя смерть, разве нет?

– Это же невозможно!

– Ты бессмертна?

– Да с чего вы взяли, что он меня убьет?!

– Может, не убьет. Может, просто изнасилует, но это вряд ли, да и тоже приятного мало, – рассудил Гарик. – Смотри, какой расклад... Он пришел к тебе просто так, сразу домой, без толкового объяснения, где взял адрес. Если бы он действительно наткнулся на твое объявление в соцсетях, он бы сразу там и написал – это базовая психология. Как вариант, позвонил бы, но это очень вряд ли, сейчас все пишут. Если бы твой адрес дал кто-то из учеников, тебя бы предупредили. И опять же, он бы позвонил, не пришел. А он пришел... Он притащил что-нибудь с собой? Когда он подарил тебе первый подарок?

Ксения окончательно растерялась:

– Откуда вы знаете?..

– Я очень сообразительный, хотя по мне не скажешь. Так когда и что это было?

– Мои любимые цветы... Он сразу с ними пришел. Сказал, что это такое извинение за внезапное вторжение... Порадовался, когда я сказала, что очень люблю желтые розы...

– И ты поверила? – поморщился Гарик. Поморщился в основном от латте, хотя наивность собеседницы тоже радости не добавляла. – Да тут за пять минут можно определить stalkера. Он следил за тобой, наверняка долго, изучил твои привычки, выяснил, как к тебе подобраться. Сама подумай: ну на хрена этому очевидному шизоиду твой французский? Как ваш учебный прогресс, продвинулся вообще? Или ты так его боишься, что толком и не слушаешь, что он там картова мямлит?

– Но он... он никогда не делает ничего плохого!

– Он и не будет до последнего момента – а потом сделает, и так сделает, что ты уже никому пожаловаться не сможешь.

– Он не посмеет! Его все знают! Его найдут!

– А разве тебе будет не все равно?

Ксения подскочила так резко, что чуть не уронила стул. Естественно, на них тут же уставились и немногочисленные посетители кафе, и официанты. Девушка, уже близкая к истерике, этого даже не заметила. Гарика такое никогда не волновало.

– Звонить вам было ошибкой! – объявила побледневшая Ксения. – Я думала, вы можете мне успокоиться, а вы... Вы...

– А я решил сохранить тебе жизнь. Понимаю, сложно оценить такую импровизацию.

– Да как вы... Не звоните мне больше!

Она ломанулась к выходу, явно опасаясь, что Гарик будет ее преследовать – или надеясь на это. Оба варианта были одинаково возможны в ее мире. Гарик же не собирался тратить на такое время, почву он уже прощупал. Ксения нервничала, но не настолько, чтобы поступить правильно. Значит, разговаривать с ней бесполезно – и дальше будет бесполезно, никакой инстинкт самосохранения не заглушит в ней «хорошую девочку», которая боится обидеть вежливого ученика.

Нужно было действовать другими методами, и следующие две недели Гарик продолжил наблюдать и за ней, и за предполагаемым любителем французского. Ксения нервничала все сильнее. Ее будущий убийца явно готовился. Гарик, без труда вычисливший его адрес, прекрасно видел, курьеры каких магазинов прибывают к нужному подъезду, какие покупки приносит домой мужчина.

День убийства был известен всем трем сторонам, просто на разных уровнях. Будущий убийца знал, потому что он эту дату и выбрал. Гарик знал, потому что заметил резкие истораживающие перемены в поведении объекта слежки. Ксения знала, потому что увидела это будущее в глазах собеседника – темных, не моргающих, постоянно направленных на нее... Конечно же, она снова не поверила. Но в тот день она вела себя даже более нервно, чем обычно: постоянно касалась то лица, то волос, отсаживалась подальше от ученика, улыбалась, заикалась... И не уходила.

Обычно после занятий они расходились в разные стороны, но сегодня было иначе. Они покинули кафе вместе. Убийца стоял в шаге от девушки, дипломатично ее не касаясь. Ксения обхватила себя руками и устала на заснеженный асфальт. Должно быть, в тысячный раз убеждала себя, что все под контролем, никто не посмеет напасть на нее среди бела дня, свидетелей так много, она предприняла необходимые меры... И вот это всё по кругу. Гарику было любопытно лишь одно: как этот тип заставил ее ехать к нему домой? Нужно будет потом уточнить.

За ними прибыл автомобиль такси, и это еще больше успокоило Ксению. Ну вот же, пожалуйста – никто не станет убивать девушку после того, как вызвал для нее машину с собственного телефона! Водитель ведь знает адрес, все зафиксировано, да и камера в салоне наверняка есть...

Снова логика здорового сознания, которое отказывается мыслить как больное.

Гарик наблюдал за их отъездом из собственной машины. Он сразу же двинулся следом, но слишком близко не подъезжал, чтобы не примелькаться. Ему это было и не нужно, он прекрасно знал, куда они направляются.

Несколько неприятных мгновений ожидали его разве что во дворах. Он заранее продумал, где оставит машину – но всего ведь не предугадаешь! Нужная площадка оказалась занята грузовиком, и пришлось покружить еще минуты две. Не критично. Но неприятно. Когда он добрался до подъезда, убийца и жертва давно вошли. Во многих ситуациях это закончилось бы очень плохо: человека можно убить меньше чем за минуту. Однако Гарик был почти уверен, что сразу Ксению не убьют...

Почти. Не до конца, поэтому медлить он не стал.

Попасть в подъезд оказалось несложно: ключ он украл еще три дня назад, когда изучал территорию убийцы. Неприятно получилось, пришлось обчистить немолодую женщину – других вариантов в то время не было. Но Гарик успокаивал себя тем, что такая неприятность вполне компенсируется спасением чьей-то жизни.

Попав внутрь, Гарик сразу услышал голоса этих двоих – гулкое эхо со стороны лестницы. Ксения в своем репертуаре, подстраховалась дважды: такси все еще стояло у подъезда, явно ожидая ее, и она не позволила убийце остаться с ней наедине в тесной кабине лифта.

Выглядит умно, а на проверку – наивно. Водитель уедет через пять минут, решив, что дамочка передумала. У него рабочий день, никто ему за простой не платит! Ну а поездка на лифте и не была опасной, жертва нужна убийце не на те двадцать минут, за которые другие жильцы заметят неладное, а на много, много часов.

Гарик как раз без сомнений воспользовался лифтом. Поднимаясь на этаж выше необходимого, он раздумывал о том, справедливо ли называть убийцей того, кто еще никого не убил – но собирался и наверняка смог бы, если бы противостояла ему только Ксения. Впрочем, рассуждения об этом скорее развлекали его и оборвались сами собой, когда кабина поднялась на нужную высоту.

Покинув лифт, Гарик снова услышал голоса, пока еще спокойные. Так что по лестнице он спускался неспешно, тихо. Сейчас нужно было правильно угадать момент: вмешаться слишком рано так же плохо, как слишком поздно. Со «слишком поздно» все понятно: Ксения будет мертва, и ее действительно не порадует поимка убийцы. А если появиться слишком рано, она, нервная, обрушит накопившийся гнев на Гарика. Это он сталкер, он ее преследует, у нее все было под контролем, ученик – просто зайка! Поэтому Гарик нужно было дожидаться, когда этот тип покажет свое истинное лицо и у Ксении не останется никаких сомнений насчет того, что было ей уготовано.

Ждать долго не пришлось: Гарик как раз затаился за дверью, ведущей на лестницу, когда Ксения объявила:

– Я вас здесь подожду!

– Да зачем вам в коридоре торчать? Заходите в квартиру! – миролюбиво предложил убийца жертве. Гарик сделал мысленную пометку рассказать про весь этот сюр Матвею.

– Ничего, я пару минут постою! Разве это так уж долго – зайти в квартиру и взять деньги?

Ага, понятно теперь, какой трюк использовал убийца... Заявил, что забыл дома кошелек. Ксении наверняка пришлось оплатить их заказ в кафе, сумма небольшая, но у нее сейчас с деньгами туго. Поэтому она вынуждена была поехать за оплатой сразу, а не перенести на следующее занятие. Она наверняка считает, что это всего лишь совпадение, ведь ученик не может знать о ее финансовых проблемах, она никогда ему не жаловалась! Гарик же оценил тонкий расчет. Даже поаплодировал бы, если бы речь не шла об убийстве человека.

– Зайдите, ну что вы в самом деле? – в голосе убийцы мелькнули первые опасные нотки.

Ксения их благополучно пропустила – иначе бежала бы уже, не говоря ни слова. Но она продолжала спорить.

– Меня там таксист ждет, я его попросила!

– Ничего, подождет, это его работа.

– Я никуда не пойду, вы можете просто...

Договорить она не успела: убийца сообразил, что вся эта болтовня может привлечь тех немногих соседей, которые в такое время дома. В этом, кстати, был серьезный просчет со стороны Ксении. Она считала, что разгар дня обеспечит ей обязательную помощь. Только вот вся ее помощь сейчас разошлась по офисам и школам, ближайшие квартиры, скорее всего, пусты.

Послышался звук удара, короткий вскрик, и что-то тяжелое повалилось на бетонный пол... Дальше медлить было нельзя.

Когда Гарик выбрался из своего укрытия, убийца как раз перехватил Ксению за ноги и затащивал в открытую квартиру. Сознание Ксения не потеряла, но и сопротивляться серьезно не могла – судя по мутному взгляду и пульсирующему кровью носу. Нехорошо получилось... Гарик надеялся, что убийца попытается просто затащить ее внутрь силой, чтобы не оставлять

следов крови в коридоре. Но тот решил действовать наглее... От этого лишь одно преимущество: теперь уже этот тип не сможет сказать, что все получилось случайно.

Убийца уже поверил в свою безнаказанность – он ведь все рассчитал, в его мыслях этот план наверняка десять раз сработал! Теперь мужчина застыл, не зная, как поступить, спешно перестраивая идеальную конструкцию. Гарик не дал ему времени разобраться, что к чему. Он в пару шагов пересек разделявший их коридор, перехватил убийцу за волосы и уверенно впечатал головой в дверной косяк. Из рассеченной кожи на лбу брызнула кровь, череп выдержал, но без серьезного сотрясения наверняка не обошлось, и мужчина грузным кулем рухнул на пол, прямо на ноги своей уже несостоявшейся жертве.

И это Гарик тоже предвидел. Убийца был мелким и тощим – на голову ниже Гарика, раза в полтора уже в плечах. Чтобы справиться с ним, даже драться не нужно уметь, потому что такие не дерутся. Они обычно огребают с самого рождения, инстинктивно боятся всех, кто сильнее, но потом отыгрываются на слабейших. Для такой миниатюрной девушки, как Ксения, комплекцией напоминающей подростка, и этого тушканчика хватило бы...

Может, на то и был расчет убийцы? Он понимал, что у него вряд ли будет второй шанс получить женщину в свое полное распоряжение? Так что на Ксении он собирался реализовать все свои фантазии, а потом уже или бежать, или принимать наказание, как пойдет.

На дверном косяке осталось внушительное алое пятно, и убийца не должен был подняться, однако Гарик не собирался рисковать. Он ногой затолкнул потерявшего сознание мужчину в квартиру, не сомневаясь, что там найдутся или наручники, или веревка. Не ошибся, конечно. Было все. «Совершенно безобидный ученик» подготовил немало игрушек для главного развлечения своей жизни. Окинув взглядом набор, который наверняка принес годовую выручку какому-нибудь секс-шопу, Гарик не удержался и пнул уже связанного мужчину снова.

После этого он вызвал полицию, а потом вернулся к Ксении. Девушка все еще ничего не понимала, двигалась резко, почти конвульсивно, но все равно пыталась подняться. До нее, видно, лишь теперь дошло, как близко была смерть...

Гарик без труда поднял девушку на руки и направился к открытой двери. Ксения, сообразив, куда ее несут, попыталась вырваться.

– Нет! Только не туда! Я не хочу...

– Спокойно, он ничего тебе не сделает, – ободряюще улыбнулся ей Гарик. – Самое страшное уже закончилось... Хотя день у тебя точно будет не из легких.

Он не стал снимать с нее пальто, знал: как только Ксения более-менее придет в себя, она почувствует жуткий холод. Даже если этого холода на самом деле нет, в квартире жарко. По-хорошему, нужно было остаться с ней, однако Гарик просто не мог не осмотреть логово такого существа. Он усадил Ксению в единственное относительно чистое кресло и ненадолго оставил в гостиной. Ее несостоявшийся убийца валялся на кухне, его она бы случайно не увидела. Набор игрушек для секса, многие из которых больше напоминали инструменты для пыток, Гарик прикрыл первым попавшимся пледом.

Спальня убийцы, тесная и темная, впечатляла. Две стены, возле кровати и напротив нее, занимали постеры с обнаженными женщинами, чаще всего связанными и окровавленными. Это, конечно, были постановки – питавшие вполне реальные фантазии. Но куда большее значение имели фотографии Ксении – их тут хватало, как и ожидал Гарик. Одни были выкачаны из ее соцсетей, другие сделаны тайно, издалека... Судя по снимкам, мужчина следил за будущей жертвой с конца лета. Все это время желания нарастали, фантазии разбухали подробностями... Да уж, ничего хорошего Ксению в этой квартире не ожидало. И вся ее подстраховка принесла бы ей мало пользы: ну когда бы еехватила соседка по квартире? Даже если бы этим вечером, полиция не подключилась бы так рано. Взрослая женщина один раз не пришла ночевать, подумаешь! Нужно выждать день-другой. Это не так уж много. Если тебя не насилуют и не пытаются, конечно. Тогда день длится дольше вечности.

Гарик казалось: он нашел уже все, что нужно – все, что подходило под предсказанный им сценарий расправы. Но выяснилось, что даже он недооценил «цивилизованного ученика». Еще одно открытие поджидало его на просторной лоджии: старая ванна, полная серо-белого песка, и спортивная сумка, в которой обнаружили длинные ножи и топорик для мяса.

Тут не нужно было ни о чем спрашивать, чтобы догадаться. Похоже, после того как все закончилось бы, телу Ксении предстояло отправиться в эту ванну. Песок надежно скрыл бы запах, а со временем вытянул бы из трупа жидкости, обеспечивая быструю мумификацию. После этого даже тощенькому плюгавому мужичонке легко было бы разрубить иссохшее тело на части и незаметно вынести из квартиры. Он продумал путь сокрытия улики... Он реально надеялся спастись? Он либо был гением, который нашел способ переиграть Ксению по всем пунктам ее подстраховки, либо идиотом, который посмотрелся американских фильмов и решил, что у него получится стать легендарным маньяком. Вспомнив кровь, небрежно оставленную в коридоре, и толпу свидетелей, Гарик склонился ко второму варианту.

От размышлений об этом его отвлекли глухие рыдания, донесшиеся из квартиры. Похоже, Ксения пришла в себя и в полной мере осознала, что ее ожидало сегодня. А может, увидела фотографии в спальне – дверь туда Гарик опрометчиво оставил открытой.

Он покинул лоджию и поспешил вернуться. Ксения, увидев его, сорвалась с кресла, прижалась к своему спасителю всем телом, и Гарик почувствовал, что ее трясет.

– Что там? – еле слышно спрашивала Ксения. – Что ты там видел? Что он... что он хотел? Господи Боже...

В какой-то момент захотелось рассказать ей – про ванну, песок и топорик для мяса. Про то, чем ей предстояло стать. Чтобы она наконец-то научилась доверять своим инстинктам и больше не попадалась в ловушку якобы разумных доводов.

Но Гарик видел, что ей и так хватило. Ксения и без того этот урок не забудет, если надавить чуть сильнее, она превратится в неврастеничку, которая никогда больше не подпустит к себе мужчин.

Поэтому Гарик гладил ее по волосам и шептал:

– Да ничего там не было, ничего, он просто извращенец. Он хотел тебя затащить в постель, при сопротивлении – избить, но ты бы точно выжила.

– Точно?.. Ты точно это знаешь? Он так на меня смотрел!.. Гарик, если бы ты только знал, как он на меня посмотрел перед тем, как ударить... Он меня уже мертвой видел!

– Тебя показалось, – убежденно соврал Гарик. – До самого страшного бы не дошло. Ты ошиблась, но даже при худшем раскладе это не привело бы к смерти.

Он, конечно, остался с ней до приезда полиции. И Ксению нельзя было бросать, и Гарик нарвался бы на серьезные проблемы, если бы смылся раньше срока. Потом последовали допросы, пояснения, дополнительная информация... Он готовился к такому и никуда не спешил.

Полицейская суета его не раздражала, куда больше его настораживало другое. Он понимал, что сегодня эта женщина могла умереть чудовищной смертью, однако настоящего сочувствия к ней не испытывал. В голове репейником закрепилась мысль о том, что Ксения все-таки дура, не поверившая прямому предупреждению и собственной интуиции, которая неделями была тревогу. Гарик понимал, что это несправедливо, однако ничего с собой поделать не мог. И триумфа от того, что все это удалось предотвратить, что его план сработал безупречно, тоже не было.

Может, он просто устал. А может, так подкрадывалось то самое выгорание, о котором говорил Форсов. Пустота вместо контроля над эмоциями, первый знак беды... Нехорошо. Рисковать Гарик не собирался, мысли об отпуске давно уже манили жарким солнцем, белыми пляжами и чистыми водами океана. Почему бы не сейчас? Сначала уехать, а потом, может, не вернуться, пускай Форсов с Матвеем разбирают этот бардак, им ведь даже нравится...

Из приятной мысли отпуск превратился в закрепившуюся идею. Поэтому вечером, когда его наконец отпустили, Гарик направился не к своему дому, а к коттеджному поселку.

Темнота дарила иллюзию того, что уже поздно. Загруженные улицы ничего не значили – этот город никогда не спит. Верить можно было лишь взгляду на часы, которые подсказывали, что еще только семь. Время отличное – не настоящий вечер, как раз можно обсудить, что кое-кому нужен отдых. Форсов, конечно, будет возражать, но он возражал бы в любой день, а сегодня Гарик был твердо намерен выиграть спор.

Эта уверенность оставалась с ним, пока он гнал машину по хорошо расчищенной дороге, пока крутился по тихим улочкам поселка и выбирал место у обочины рядом с грудями убранного снега. Он даже из автомобиля выбрался с этой уверенностью и к коттеджу подошел.

Ну а потом он имел неосторожность взглянуть на окна и обнаружить, что в *той самой* комнате сейчас горит свет. Планы пришлось срочно поменять.

Нет, в дом его, конечно, пустят. Может, попросят подождать, или Вера сразу проведет его к Форсову, не важно. Важно, что при таких обстоятельствах Гарик не сможет нормально спорить или настаивать на своем. Всегда так было, что обманывать себя? Он даже не знал толком, почему, Форсов ведь не умирал прямо сейчас... Но напоминание о том, как скоро это случится, становилось слишком уж очевидным.

– Ну твою же ж мать, – сообщил Гарик садовому гному, робко выглядывавшему из-под снежного покрова, прибавив пару глаголов, описывавших, какая именно судьба поджидала гномью мать.

Заходить уже не хотелось, даже на чашку чая, Гарик слишком злился на себя и чету Форсовых, в их доме эта беспричинная злость лишь возросла бы. Но и снова садиться за руль после долгой дороги желания не было, особенно при том, что он уже часов восемь не ел. Так что вариант оставался всего один.

Покинув двор Форсовых, Гарик уверенно направился к соседнему коттеджу. Там свет как раз не горел – вообще нигде, и со стороны могло показаться, что никого нет дома. Но Гарик прекрасно знал, что тут всегда так. Он ловко перебрался через забор, с замерзшей калиткой возиться не хотелось. А вот на крыльце пришлось достать отмычки: звонить было бессмысленно, внутрь его никто бы не пустил. Гарик полагал, что если очень надо, но ты знаешь, что откажут, то можно и не спрашивать разрешения. Потом хотя бы будут основания показательно удивиться.

Замки на двери были все те же, Гарик каждый раз вскрывал их не ломая. Если бы хозяин дома действительно не хотел его видеть, он бы установил засов – тяжелый такой, железный, против которого никакие воровские навыки не помогут. Однако засова по-прежнему не было, и Гарик подозревал, что это максимум гостеприимства, который можно получить от Матвея.

В доме было тихо, темно и пусто – ни шума телевизора, ни звука шагов, ни единого отблеска даже со второго этажа. Гарик разулся, как и полагалось приличному гостю, и направился на кухню. Очень скоро просторное помещение озарил теплый желтый свет открытого холодильника.

Внутри царил идеальный порядок – как обычно. Все расставлено строго по своим местам, ровные ряды, гармония цветов и размеров. Гарик был уверен, что это не нормально, но уже привык. Так даже удобней было прикидывать, что украсть. После быстрого обзора гастрономических запасов он остановился на красной рыбе. Было еще какое-то мясо, завернутое в плотный слой пленки, но тут Гарик решил не рисковать. В холодильнике Матвея такой сверток мог оказаться отварной говядиной, а мог – ногой, захваченной из морга для вдумчивого изучения.

Гарик прекрасно понимал, что Матвей, скорее всего, не «ха-ха, псих какой-то!», а вполне реально нездоровый человек. По крайней мере, основания для этого были. Если б Гарику пришлось пройти через такое, он вообще не представлял, как бы жить продолжил... Скорее всего,

никак. Но такой вариант будущего ему обдумывать не хотелось, поэтому он просто принимал Матвея как стихийное явление и в большинстве случаев соблюдал безопасную дистанцию.

Соорудив себе два не слишком эстетичных, зато питательных бутерброда, Гарик направился на второй этаж. Если хозяин дома не появился до сих пор, значит, работает – и искать его нужно в кабинете.

Догадка оказалась верной: Матвей и правда был там. Свет в кабинете шел только от нескольких больших мониторов, перед которыми и замер хозяин дома, – призрачный голубоватый свет, делающий все вокруг нереальным. Матвея, привычно одетого в черное, едва можно было различить – только бледное лицо, острые черты во мраке, слишком темные для человека глаза.

На большом мониторе было открыто изображение девушки, лежащей на кровати. Полураздетой девушки, окровавленной и очевидно мертвой. Той, которую, в отличие от Ксении, никто не спас.

– Ты понимаешь, какая хрень в твоей жизни творится? – укоризненно поинтересовался Гарик. – Ты в таком полумраке да с трупами на компе похож на какого-то готического колобка, зависшего в воздухе!

– Остроумно, – отозвался Матвей, продолжая изучать снимок. Кто-то другой на его месте уже подпрыгнул бы от неожиданности до потолка. Еще бы: голос вдруг звучит в пустом запертом доме! Но Матвей даже не обернулся. – Что ты здесь делаешь?

– Ужинаю, – сообщил Гарик. – Хотя выбор у тебя так себе. Чипсов купить не мог?

– Я такое не ем.

– Ты прекрасно знаешь, что я у тебя краду. Мог бы озадачиться.

– Поройся в пищевых отходах, зеленый контейнер на кухне. Там больше продуктов по твоим предпочтениям.

Хотелось съязвить, но голод победил, и Гарик все-таки занялся бутербродами. Матвей наконец отвлекся от чудовищной фотографии на мониторе и повернулся к незваному гостю. Теперь он представал силуэтом на фоне мерцающего экрана.

– Почему ты здесь? – поинтересовался Матвей.

– Хотел у Форсова отпуск потребовать.

– Но в припадке беспамятства очнулся уже у моего холодильника?

– У босса сеанс, – мрачно пояснил Гарик.

Больше он ничего не добавлял, но Матвей и так понял. Должен был восхититься таким самопожертвованием, но вместо этого укоризненно покачал головой.

– Ты слишком сентиментален.

– Старею, видать. У всех это проявляется по-разному – ты, например, становишься небрежен.

– Неужели?

– Я до тебя добрался минут за десять, – указал Гарик. – И было, вот честно, легко. А если бы это был не я?

Матвей даже не потрудился ответить, вместо этого он махнул рукой куда-то влево. Повернувшись в нужную сторону, Гарик обнаружил еще один монитор, небольшой и черно-белый. Там застыло изображение расчищенного от снега крыльца, на котором совсем недавно стоял Гарик.

Гарик, впрочем, не был впечатлен.

– Ну и что с того? Ты не можешь пялиться на изображение своей двери весь день, а теперь ты тем более был отвлечен работой!

– Вот поэтому я предлагаю тебе для кражи не чипсы, а красную рыбу: от нее мозг работает лучше. Когда кто-то проникает во двор, срабатывают датчики движения. У меня достаточно времени, чтобы подготовиться ко всему.

– Знаешь, что я предпочту тут услышать? Что ты пригласил меня в гости. Чертовски мило.

– Ты ленишься, даже искажая реальность, – вздохнул Матвей.

– Да. А еще я ленюсь переться домой через весь город. У тебя гостевая комната свободна? Я б вздремнул.

– Ты прекрасно знаешь, что свободна. Но это не отменяет того факта, что ты ведешь паразитический образ жизни. Одна из черт психопата, между прочим.

– Но я никогда не говорил, что я – не он, – рассудил Гарик. – Если хочешь, могу оправдать свое присутствие и помочь тебе с делом. Это же тот случай, когда чувак свою подружку изнасиловал, убил и смылся?

– Да, это тот случай, хотя попробуй аккуратней выбирать слова для чужой смерти. А помощь мне не нужна. Он ее не убивал.

Гарик помнил, как Форсов и Матвей обсуждали ту историю, там все казалось очевидным. Молодой мужчина пригласил знакомую к себе в гости, а потом в его квартире нашли ее остывший труп с очевидными следами насилия – собственно, этот труп и разглядывал только что Матвей. Главный подозреваемый скрылся, и представители полиции попросили составить его психологический портрет, чтобы понять, с чего он вдруг слетел с катушек и где его теперь искать.

Вроде как простое поручение, однако Матвей опять умудрился все усложнить.

– Как это не убивал? – нахмурился Гарик. – Сама себя?

– Я изучил всю их доступную переписку за последние пять лет и все совместные фотографии. Он относился к ней как к младшей сестре, это четко прослеживается все годы их дружбы. Он был вменяем и психически стабилен. Он ее совершенно не хотел как женщину. Но вдруг он сорвался и изнасиловал ее с особой жестокостью? Не тот случай, ни одна из его характеристик на это не наводит, а я рассмотрел показания семнадцати человек.

– Но она мертва, а он исчез.

– Да. И все это одна большая постановка, – указал Матвей. – В которой целью был как раз нынешний подозреваемый, а мертвая девушка стала практически необходимой жертвой.

– С чего ты взял все это вообще?

– Для начала исключил ту версию, которую сейчас рассматривает полиция. Если не подходит эта версия, нужна другая. Всплыл факт, что он давно уже очень хорошо зарабатывал, но на счету у него собрано относительно мало – по сравнению с заработком. Следовательно, он копил наличные, потому что крупных покупок он не совершал. Но при обыске в его доме была обнаружена весьма скромная сумма денег и совсем мало по-настоящему ценных вещей. Когда я узнал об этом, я подумал о постановке.

Гарик уже понимал, к чему он клонит, но такие выводы здорово подрывали веру в человечество...

– Ты хочешь сказать, что молоденькую девчонку изнасиловали и убили просто для шоу?

– Ее изнасиловали подручными предметами. Тот, кто это сделал, не испытывал никакого сексуального влечения к ней. Он делал ровно то, что было необходимо.

– Он подставил того чувака... Ну, который друг. Сделал так, чтобы его исчезновение выглядело побегом, чтобы его и родственники не искали, опасаясь подставить перед полицией – или стыдясь, – догадался Гарик. – Охренительно подлю, но ловко. Получается, главного подозреваемого уже нет в живых?

– Скорее всего, да.

– И что ты намерен делать?

– То, о чем меня и попросили, – невозмутимо отозвался Матвей. – Предоставить полиции психологический профиль убийцы. Просто настоящего убийцы, а не назначенного.

– У тебя реально профиль получился?

Гарик сначала задал вопрос, а потом сообразил, насколько наивно прозвучали его слова. Это же Матвей... Конечно, у него все сошлось! Кто б сомневался.

Матвей, к его чести, не стал тратить время на самолюбование, говорить он продолжил все так же спокойно.

– Да, там достаточно много деталей. Это мужчина, молодой, из близкого круга общения главного подозреваемого. На это указывает то, что он знал о деньгах, сумел заманить подозреваемого в место, где смог его убить и спрятать труп – раз труп еще не нашли. Плюс ко всему, он знал, какая именно девушка из списка контактов погибшего придет в его квартиру в ответ на обычное текстовое сообщение с просьбой о помощи. Возможно, убийца был знаком и с ней, но не так хорошо, как с главной жертвой. Он был достаточно силен, чтобы быстро ее оглушить и устроить постановку с жестоким изнасилованием – я это фото не для удовольствия рассматривал, мне нужно было изучить ее травмы.

– Да уж надеюсь, что не ради удовольствия, – буркнул Гарик. – Ты и без этого достаточно жуткий... Но настоящий убийца, скорее всего, успел смыться.

– Не думаю. Если бы он планировал сразу бежать, он бы не решился на двойное убийство. Он вложил немало сил в это шоу, изначально у него все получилось: ограбленный им человек в розыске, его никто ни в чем не подозревает. Нет, он сейчас будет сидеть на месте. Моя задача – перенаправить усилия полиции на мужчин из близкого круга, в первую очередь тех, кто остро нуждался в деньгах.

– Даже если его найдут, доказать его вину будет непросто.

– Это не моя работа – доказывать вину, – напомнил Матвей. – Моя работа – сузить круг подозреваемых. Хотя определенную подсказку я дам, она может сработать. Полиции необходимо отследить последние операции по картам погибшего. Если какая-то из карт была похищена, то не как сувенир, с нее снимали деньги.

– И тогда банкомат записал на видео мордашку того, кто это сделал. Неплохо. Если реально убийца, будет джек-пот... Но все равно с двумя трупами.

– Это я изменить не могу. Зато я могу убрать человека, убивающего без сомнений, с улиц.

– И вот этим мы с тобой отличаемся: ты видишь пользу в нашей работе и спокойно отстраиваешься от жертв, – отметил Гарик. – Поэтому тебе отпуск не нужен, а мне – очень даже.

– Так иди и получи его. Сеанс уже наверняка закончился.

– Ты прекрасно знаешь, что после сеанса я с боссом тоже не рвусь общаться, там та еще атмосфера... Короче, заночую у тебя, а отпуском займусь завтра утром.

– Не займешься, – равнодушно указал Матвей.

– Только вот не надо делать вид, что ты и мне в голову залезть можешь...

– Не нужно лезть, там все насквозь просматривается. Ты стенаешь об отпуске, пока чувствуешь усталость. Но утром ты отдохнешь, и тебе расхочется бесцельно лежать на пляже. Особенности биоритмов.

– Иди ты к черту... Здесь все равно нет ничего интересней, чем продавливание спиной песка, – напомнил Гарик.

– Сейчас, может, и нет. Но ты никогда не знаешь наверняка, что принесет завтрашний день.

* * *

Лес был великолепен.

До этого несколько дней с далекого серебряного неба срывались крупные пушистые хлопья снега. Они поглощали мир, глушили все звуки, стирали горизонт. Лес, и дорога, и деревни рядом с ней – все казалось ненастоящим и постепенно скрывалось под легким, похожим на облако белым одеялом.

Потом метель закончилась – и почти сразу ударили сильные морозы. Пух снежинок, не успевший ни растаять, ни опасть, так и застыл сияющими воздушными кружевами. Теперь тонкие иголочки, полные света, были повсюду. Они сияли на земле, покрывали стволы деревьев, где-то далеко рисовали узоры на заледеневших окнах.

В истинном торжестве зимы прекрасным стало все, даже то, что лишь недавно, в ноябре, вызывало уныние. Деревни из крошечных и едва заметных превращались в сказочные. Далекое здание автозаправки казалось замком Снежной Королевы. На обочинах внезапно взвившимися к небу, теперь уже голубому, горами возвышались сугробы, наметенные тяжелой и неторопливой снегоуборочной техникой, похожей на череду заблудившихся динозавров.

И все равно ничто сейчас не могло сравниться с лесом. Он, древний, видевший смену многих поколений тех, кто считал себя хозяевами этих земель, поднимался гордой стеной, добавлял цвета в черно-белый пейзаж – те неповторимые оттенки зеленого, которые достаются только хвое. Лес был прекрасен в любую погоду, но сегодня, в ясный день, он сиял, как огромная, даже из космоса, пожалуй, заметная драгоценность.

Местные к подобному привыкли. Ну лес и лес, он каждую зиму такой, так что ж теперь, штаны терять от восторга? Нет, без штанов холодно! Лес принимали как данность и смотрели в его сторону, только если было очень нужно.

Другое дело – жители большого города. Они здесь будто в другой мир попадали, в тот самый, из мультфильмов, с телеэкрана, из сказок, прочитанных на ночь. Кто-то из них заметил безупречно живописный лес случайно, показал ролик с видеорегистратора знакомым, им понравилось. В выходные к лесу прибыла шумная компания на трех машинах.

Они не рисковали заходить в чащу – понимали, должно быть, что чаща их поглотит. Лес оставался миролюбивым, лишь пока они не совались слишком далеко. Но даже на его границе проглядывали распахнутые пасти бурелома и заметенные снегом ямы, глубокие, как свежие могилы...

Нет, далеко в лес уходить не хотелось никому, да и нужды не было. Гостям хватало безопасной красоты, доступной всем, они расположились недалеко от дороги. По полю носились две крупные собаки, с диким восторгом взрывающие белую целину. У большого костра возились дети и женщины постарше. Молодые люди, вчерашние подростки, запускали квадрокоптер и настраивали видео.

Казалось: уже со стороны лес настолько прекрасен, что лучше не бывает, это – предел. Но вот в небо искусственной птицей поднималась камера, на экран летела картинка, и становилось ясно, что предел – он там. У самого неба. С высоты птичьего полета была видна магия леса, переливы белого и голубого на заметенных сосновых ветвях, редкая суeta птиц и белок, испуганных неожиданно громким звуком. Управлял дроном один человек, однако советы готовы были предоставить все.

– Ниже бери, ниже!
– Осторожно, ветка!
– Ой, белочку напугал...
– А ну, тихо все! – велел уставший от потока добра обладатель пульта. – Сам разберусь – или заканчиваем шоу!
– Куда заканчиваем, если еще самое интересное не посмотрели?

И они смотрели, вместе с маленькой машиной двигались туда, куда не рискнули бы пройти сами. К хвойной зелени, деревьям, поднимавшимся выше иных домов, и заледеневшему труппу, прижавшемуся к стволу сосны.

Когда они увидели тело впервые, они не поверили. Дрон пролетел мимо того дерева слишком быстро, и они решили, что им почудилось. Снег так странно лег, или ветка необычной формы покрылась льдом, или солнце ударило в объектив... Потому что иначе и быть не может. Ну какой труп, откуда? На высоте метров десяти, если не больше, смешно же!

Но было не смешно.

– Верни камеру обратно!

– Да не было там ничего...

– Seriously? Вы тут подпрыгнули так, что чуть под землю не провалились!

– Показалось...

– Всем показаться не может, там что-то было!

– Наверняка ничего серьезного...

– Поэтому и нужно посмотреть: чтобы не гадать. Возвращай туда этот чертов дрон!

Они все любили приключения, яркие необычные картинки и видео, которые можно выложить в интернет. Но даже их любопытство не было беспредельным, и они действительно надеялись, что, когда квадрокоптер подлетит к нужному дереву уже медленней, они увидят какое-нибудь воронье гнездо, над которым можно посмеяться и забыть.

Не сложилось. Камера с высоким разрешением, которой, в общем-то, было все равно, что снимать, показала им, что никому ничего не почудилось.

На большом экране появились сосновые ветви, заледеневший ствол дерева, а еще – обнаженная девушка, прижавшаяся к нему и давно мертвая.

Глава 2

Таиса прекрасно понимала, что сегодня встретит живую легенду – и что шанс изменить свою жизнь, скорее всего, будет всего один.

К сожалению, понимала это не только она, к корпусу университета стягивалась впечатляющая толпа. Студентов тут было как раз меньшинство: университет предоставлял только площадку, лекция была открытая, и в зал пускали не обладателей билета, подтверждающего незаконченное высшее образование, а тех, кто зарегистрировался онлайн заранее. Студенческая братия дисциплинированностью не отличалась, надеялась проскочить на удачу и регистрацией не озадачивалась.

Очень зря. Как раз на такой случай университет выделил в помощь организаторам пару тетушек с габаритами борцов сумо и хорошо поставленными голосами. Дамы строго делили толпу на тех, кто был в списке, и тех, кого без сомнений вышвыривали в коридор. Кто-то пытался настаивать, намекая, что везде дорога молодым. В ответ на это бдительные тетушки заявляли, что молодым дорога будет только в окно, если не уймутся. Запись выступления обещали прислать всем желающим, однако приунывшие студенты прекрасно понимали, что запись – уже не совсем то. Или даже совсем не то.

Так что первый этап отбора Таиса прошла без проблем, но расслабляться было рано. Зал оказался забит под завязку, слушатели сидели не только за столами, но и в проходах и даже на подоконниках. Одни явились просто послушать. Другие, как и Таиса, сжимали в руках папки с резюме – таких она замечала сразу, тоже ведь не вчера родилась.

Они хотели не просто послушать лекцию, нет, лекция стала бы для них скорее утешительным призом. Как, впрочем, и для Таисы. Она на многое пошла бы, чтобы стать ученицей Николая Сергеевича Форсова. Она видела, что в зале у нее не меньше пятнадцати конкурентов – и это только те, кто уже держал резюме наготове, словно планируя швырнуть бумаги в лектора при первой возможности. А Форсов не брал учеников вообще. Такой вот расклад.

Точнее, он везде и всюду утверждал, что никого учить не будет – неинтересно ему, да и старый уже. Однако тем, кто действительно следил за карьерой мастера, было прекрасно известно, что двух учеников он все-таки взял. Так почему бы не найти местечко для третьего?

Форсов был безупречно пунктуален, как всегда. Едва он появился, как гул, до этого висевший в зале, мгновенно захлебнулся, сменившись абсолютной тишиной. Это было странно, почти жутко: лектор не пытался привлечь к себе внимание, он вошел в зал точно так же, как входили до него слушатели. Но слишком велико было напряжение, и невысокого полноватого мужчину узнали мгновенно. Притихли, чтобы их не вышвырнули – в коридоре ведь до сих пор толпились желающие занять их место.

Лектор не был впечатлен внезапно наступившей тишиной, он, должно быть, к такому привык. Форсов неспешно прошел к кафедре, он улыбался, он казался безобидным и добродушным. Соседский дедушка, который сейчас расскажет, как ловить рыбу на мотыля. Седой, заметно лысеющий, в очках, как будто растерянный... Таиса знала, что это не случайно. Он хотел казаться таким, ему уже не нужно было доказывать свой профессионализм, напротив, он сейчас внушал тем, кто притащил резюме, что старались они напрасно. Смотрите, он действительно старый, ну кого ему учить?..

Первые же слова Форсова доказали, что Таиса все угадала верно.

– Благодарю всех, кто почему-то решил потратить такой прекрасный день на болтовню пенсионера. Прежде, чем я начну говорить по делу, закроем один организационный момент. После каждой лекции ко мне обязательно кто-нибудь подходит, приносит список своих условно потрясающих заслуг и говорит о каком-то менторстве. Так вот, дорогие мои, это все страшная глупость. На кой я вам сдался? Получите нормальное образование и работайте! От

парочки моих советов вам не будет никакого толку. А я уже старый больной человек, нет у меня сил лепить из вас что-то. Так что слушайте лекцию – и идите учиться к тем, из кого сыплется поменьше песка.

Нельзя сказать, что он откровенно обманывал их. В его словах была правда, просто поданная так, как Форсову выгодно. Обучение у него действительно не влекло за собой никаких дипломов или сертификатов. Однако и он, и собравшиеся понимали, что оно способно стать лучшей рекомендацией – не говоря уже о бесценном опыте, который можно получить только у него.

Николай Форсов стал профайлером до того, как в Советском Союзе узнали это слово. В прошлом он числился психологом-криминалистом. Он изучал природу тех, кто нарушал закон, говорил с ними – и ловил их. Он консультировал советскую милицию, создавая портреты, которые не раз становились переломным моментом в расследовании. Позже, уже в двадцать первом веке, он прошел стажировку в нескольких странах и даже год проработал приглашенным консультантом отдела поведенческого анализа ФБР. Нельзя сказать, что там так уж рвались иметь дело с русским. Просто Форсов был настолько хорош, что для него сделали исключение.

Таиса прекрасно понимала: этот человек уникален. Таким путем не ходил больше никто. Он объединил опыт разных стран, он заслужил уважение стольких людей... Теперь-то он уже не работал, только книги писал, но ведь опыт никуда не делся! Форсов с легкостью организовал бы собственную школу, если бы захотел.

Но он не хотел. Сам он говорил, что уже слишком стар и вреден для таких забав. В интернете ходили слухи, что бывший профайлер тяжело болен, однако этого никто не знал наверняка, свою личную жизнь Форсов оберегал безупречно, тут его поклонникам приходилось довольствоваться лишь мимолетными обрывками данных. Например, намеками на болезнь. Или сведениями о том, что у него двое учеников – без имен этих самых учеников.

Таиса не отказалась бы побеседовать с ними, выяснить, чем именно они заслужили внимание Форсова. Не ей одной такого хотелось – поэтому их имена и держались в тайне. Так что надеяться ей оставалось лишь на себя.

Понять бы еще, что тут можно сделать... Форсов только что непрозрачно намекнул, что все эти резюме ему интересны не больше, чем желтый с подачи собак снег. Таису это не слишком расстроило: ее достижения были не так уж велики, она видела, что другие соискатели притащили куда более внушительные стопки бумаг. Значит, этот путь закрыт... А какой тогда открыт?

Форсова, естественно, ее терзания не интересовали, он начал лекцию. И когда он говорил по делу, его голос звучал ровно и громко, он был совсем не похож на голос доживающего последние деньки старика.

– Итак, сегодня мы с вами поговорим о серийных убийцах. Чаще всего мне задают один и тот же вопрос: откуда берутся серийные убийцы? Что делает их именно такими? Что выделяет в особую породу людей, тех, кому доставляет удовольствие насилие? Они рождаются такими – или становятся? Так вот, дорогие мои, нет здесь никакого «или». Каждый случай уникален, и все же профайлеры снова и снова сталкиваются с тремя основными факторами, которые определяют серийного убийцу. Врожденная патология – лишь один из них. Но раньше не знали и об этом. Наши предшественники догадывались, что мозг преступника отличается от мозга обычного человека. Исследования на эту тему были проведены значительно позже, и даже их нельзя назвать исчерпывающими. Они лишь позволяют нам считать, что большинство серийный убийц рождаются с отклонениями. Что же представляют собой эти отклонения?

Таиса слушала его вполуха, все, о чем говорил Форсов, она уже знала – из его же книг. Со стороны наверняка казалось, что она вся обратилась в слух и не пропускает ни единого слова. На самом деле Таиса обдумывала варианты решения проблемы.

Она видела, что никто из ее конкурентов резюме не убрал. Конечно, каждый ведь считает себя особенным... Они все-таки подсунут свои бумажки Форсову, и он наверняка к этому готов. Первый раз, что ли? Был бы первый раз – он бы не уделял такому внимание перед началом лекции.

Он наверняка соберет все эти резюме и будет так вежлив, так улыбочив, что обнадежит соискателей. Он заставит их поверить, что шанс еще есть, и уйти без споров. Они будут ожидать того самого звонка... который никогда не прозвучит. Каждый соискатель уникален только в своих фантазиях. Для Форсова они все одинаковые.

Интересно, он читает эти резюме, выбрасывает или топит ими камин?..

– Второй фактор – это общество, в котором растет будущий убийца, – продолжил между тем Форсов. – Насколько оно развито? В какой части общества он живет – бедной или богатой? Какое отношение там к преступности? Насколько силен закон? Какое у людей образование, благосостояние, религиозность? Запомните: все имеет значение. Все определяет личность. Это верно для всех людей, но в серийных убийцах это глушит или усугубляет патологию. При этом будет ошибкой считать, что ребенок, рожденный в благополучном обществе, автоматически защищен от собственных демонов. Иногда именно безграничное богатство становится плодородной почвой для внутреннего зла, тогда как борьба за жизнь могла бы отвлечь от темных желаний.

Время неумолимо истекало. Лекция была рассчитана на два часа: полтора на выступление, полчаса на вопросы. Таиса не сомневалась, что Форсов задерживаться не станет, он мило всем улыбнется, десять раз извинится, однако покинет зал точно в срок.

Значит, у нее оставалось меньше часа, а никакого плана по-прежнему не было. Сердце начало биться быстрее, мышцы напряглись, голова чуть кружилась... Таиса вовремя заметила это, сделала глубокий вдох, задержала воздух в легких на несколько секунд и медленно выдохнула. Потом – еще раз, и еще. Паника ей сейчас точно не помогла бы, выброс адреналина позволяет бежать и сражаться, гениальные идеи он не питает.

Понятно, что ничего ужасного не произойдет, даже если Таиса не станет ученицей Форсова. Возможностей работать криминальным психологом хватает. И все же... Этот человек был ей интересен, еще когда она читала его книги. Теперь же, когда она встретила с ним лично, желание учиться у него лишь возросло. Сложно было сказать, как этот средний во всем человек внушал мгновенное уважение толпе... Но у него каким-то образом получалось. Дело было не в его заслугах, он их даже не перечислял. Куда важнее оказалось то, что он говорил, как, как смотрел в этот момент... Он контролировал зал с десятками очень разных людей. Таиса тоже так хотела.

Форсов о ее желаниях не догадывался, потому что они не имели для него никакого значения. Он вещал все так же неспешно и ровно:

– Ну а третий фактор – это личный опыт. Может оказаться, что человек с врожденной склонностью к психопатии окажется в любящей семье, он будет жить в полном благополучии, у него появится шанс исполнить свои желания законным способом. Это не значит, что он исцелится или даже станет счастливым. Но он будет находиться в среде, в которой у него не появится достаточных оснований реализовывать свои темные фантазии. Он будет единственным, кто узнает о них. Его окружение и личный опыт дадут ему причины сдержаться. Практика показывает, что большинство серийных убийц, ныне живущих и живших ранее, в детстве сталкивались с насилием или безразличием со стороны самых близких. И говоря о насилии, я, конечно же, имею в виду и психологическое насилие...

Таиса заставила себя забыть о своей цели, о том, что на кону, и даже о нарастающей тревоге. Она должна была думать только о Форсове. Профайлер она или нет? Ну, пока – нет, но она должна доказать, что способна им стать.

Она точно знала, что перед ней Николай Форсов, ему шестьдесят пять лет, он профессионал... Но ей это никак помочь не могло. Таисе важно было разобраться, что свяжет ее с Форсовым сейчас, что она может предложить такого, что не предложат остальные, с этими их дипломами и рекомендательными письмами...

А ничего. Ничего не было, минуты истекли, лекция кончилась, дошло до вопросов. В воздух взметнулись десятки рук – кому-то было интересно, кто-то хотел блеснуть знаниями. Таиса молчала, она не верила, что хитрый вопрос что-то изменит, Форсов слишком много слышал и знает. Нужно действие... только вот какое?

Не с бубном же перед ним плясать! Да и бубна нет...

И когда Таисе казалось, что она потратила свой единственный шанс впустую, решение наконец пришло. Было ощущение, что с ее мыслью спала темная пелена, все неожиданно стало четким и ясным. А когда выстроился план, страх окончательно отступил.

Таиса по-прежнему не знала, получится у нее что-то или нет. Но действие давало надежду.

Как она и ожидала, Форсов строго контролировал время. За пять минут до конца встречи он, удивительным образом объединяя вежливость и бесцеремонность, оборвал все вопросы и милостиво согласился подписать принесенные слушателями книги. У его стола, разумеется, тут же выстроилась очередь. Те, кто пришел с резюме, в нее не стали, они помнили, что Форсов считает автографы поразительно никчемным явлением. Потенциальные ученики терпеливо ждали своей звездной секунды в сторонке.

Таиса ждать не собиралась, она первой покинула кабинет, заработав парочку удивленных взглядов других слушателей. Они собирались любоваться кумиром до конца. Таиса планировала увидеть его снова.

Она неплохо знала здание – не училась здесь, но бывала на других открытых лекциях и конференциях. К главным дверям Таиса не пошла, направившись вместо этого на второй этаж. Через него можно было попасть на узкую и полутемную пожарную лестницу – открытую студентам, но не слишком интересную им, потому что там, на гладких ступеньках, было до смешного легко переломать ноги.

Таиса ничего ломать не собиралась, это сбilo бы ее план, рассчитанный с точностью до секунды. Она двигалась быстро и осторожно, она добралась до пожарного выхода вовремя, она обязана была успеть...

Но ее план подразумевал нормальные условия, а когда они вообще бывают? Пожарная дверь оказалась заперта. Вопреки всем нормам. И не на задвижку, которую можно открыть изнутри, а на ключ, наверняка уютно устроившийся в кармане человека, которого, возможно, и на рабочем месте-то нет.

К такому Таиса не готовилась, в прошлые разы дверь была открыта – ею пользовались те, кто хотел покурить, не нарываясь на ненужное внимание администрации. Возможно, поэтому дверь и заперли, наплевав на нормы пожарной безопасности. Но кому теперь жаловаться? И как это исправит ситуацию?

Тревога снова выпустила когти. Взгляд на часы показал, что у Таисы осталось не больше трех минут. Слишком мало, конец, невозможно за такое время ничего успеть...

А успеть нужно. Поэтому, отложив отчаяние до более подходящего момента, Таиса снова двинулась вверх. Она еще по пути сюда заметила фургон, припаркованный под окнами – просто потому, что давно уже выработала привычку изучать свое окружение. Таиса не думала, что это знание пригодится ей так скоро... или вообще когда-нибудь.

Если бы у нее было время обдумать собственные действия, она бы никогда на такое не решилась. Но времени не было: она видела, как для Форсова открыли другую дверь, как он вышел – не через главное фойе, где его как раз ожидали, и не через пожарный выход, а через служебную дверь, которой почти не пользовались. Таиса это предвидела, ее догадки оказались

верными! Если бы замок не был заперт, она уже смогла бы перехватить Форсова, она одна, никто больше до такого не додумался, она видела...

Но дверь была заперта. Дверь все испортила. Мириться с таким Таиса не собиралась: хоронить свое будущее под обшарпанной пожарной дверью, еще чего не хватало! Опережая отчаянный вопль инстинкта самосохранения, девушка открыла окно и прыгнула вниз.

Если бы она замедлилась хоть на секунду, ей бы помешали: или студенты, или преподаватели, или здравый смысл. Но она сделала все до того, как подумала о последствиях, и теперь от нее мало что зависело. Брезентовый верх грузовика смягчил удар, и это хорошо. А плохо то, что брезент оказался покрыт грязной кашицей из снега и льда, с которой Таиса стремительно соскользнула. Вместо того, чтобы спуститься с крыши грузовика ловко и на ногах, как хотелось бы, Таиса съехала вниз с грацией лавины и воплем ужаса.

Авантюра могла бы закончиться как минимум сломанной ногой, если бы внизу ее встречал асфальт или промерзшая земля. Таисе повезло лишь в том, что рядом с грузовиком поднимался один из рыхлых сугробов – этот снег как раз убрали с той дорожки, по которой шел теперь Форсов.

Так что ее встреча с кумиром сразу обернулась немой сценой. Таиса погрузилась в грязный снег, перемешанный с солью и песком, со стороны она напоминала скорее не изящную кошку, а пьяного воробья. Форсов замер в паре шагов от нее, пытаясь понять, чудится ему или с грузовика действительно только что рухнула девица лет тридцати. Организаторы лекции, стоящие за его спиной, наверняка сейчас продумывали сценарий медленной и мучительной казни.

Первым молчание нарушил Форсов:

– С вами все в порядке?

– Отлично все! – заверила его Таиса, кое-как поднимаясь на ноги. – Зимой поскользнулась, со всеми бывает!

– На крыше грузовика. Действительно, со всеми.

– Я спешила, это меня чуть оправдывает.

– Куда же вы спешили, дорогая моя?

– К вам, разумеется, – как ни в чем не бывало ответила Таиса. – Таисия Скворцова. Хотела бы стать вашей стажеркой. И да, я слышала, что вы учеников не берете, но решила обсудить это с вами лично.

– Вы что, следили за мной? Хотя нет, следом пошли многие, но никого не пустили. Я бы предположил, что вы использовали этот неординарный путь, когда увидели ограждение, однако вы бы не успели. Так как же вы попали сюда вовремя?

– Сработала на опережение. Я знала, что вы здесь будете.

Организаторы наконец опомнились. Один из них, крепкий мужчина лет сорока, подался вперед.

– Николай Сергеевич, извините, Бога ради! Ну кто же знал... Сейчас мы все решим!

Судя по взгляду, «все решить» он собирался бесхитростно: закопать Таису обратно в сугроб, да так, что больше не вылезла бы. И он бы наверняка преуспел, если бы Форсов жестом не остановил его.

– Нет, подождите. Если уж девушка готова зайти так далеко, пусть договорит. Как вы догадались, что я буду здесь, милое создание?

– Если вы вошли этим путем, значит, ваша машина припаркована с этой стороны универа, а не возле главного входа. Логично было предположить, что тут вы и выйдете, а не начнете водить хороводы с фанатами.

Форсов казался разочарованным.

– Так значит, вы увидели, где я входил...

– Не увидела. Простите, что прерываю, но сейчас это важно. Я пришла на лекцию вовремя, это вы можете уточнить у прекрасных леди с замашками клубных вышибал, которые отмечали участников. Вы появились позже.

– А окна лекционного зала не выходят на эту сторону здания, – задумчиво произнес Форсов. – Увидеть вы не могли... Действительно, интересно. Так как же?

– По ботинкам, – пояснила Таиса. – Я искала, за что бы зацепиться в вашем образе, как понять, что вам интересно прямо сейчас, чем вы планируете заниматься, где в эту историю могу включиться я. На ваших ботинках я обнаружила засохшие разводы – соль и немного песка. Если идти по главной дороге, такого не будет, там чуть ли не феном плитку высушили. А с этой стороны идет ремонт, тут убирай, не убирай, такие ямы, что где-нибудь да придется наступить в снег.

Форсов перевел взгляд на свои ботинки.

– Разводы не очевидны.

– У меня хорошее зрение.

– Я мог наступить в снег где-нибудь в другом месте.

– Могли, но это вряд ли. Вы безупречны на лекциях, выверено все – цвет рубашки, подходящий костюм, платок... Думаю, вы чистите ботинки в машине перед выходом. Но в универе вас постоянно кто-то сопровождал, кто-то засыпал вас комплиментами, и не было подходящих обстоятельств, чтобы стать раком и ботинки протереть. Плюс ко всему, до лекции оставалось совсем мало времени, а вы не опаздываете.

Желание организаторов придушить ее стремительно усиливалось, в этом Таиса даже не сомневалась. И сразу закопать здесь, на стройке, очень удобно ведь. Но Таису их возмущение не волновало, она не сводила глаз с лица Форсова.

Он улыбался, однако он всегда улыбался. Как Чеширский кот – похоже, за долгие годы работы это стало привычкой. Вот только теперь, как показалось Таисе, его улыбка стала чуть искренней.

– Вы гордитесь собой? – спросил Форсов.

– Я считаю, что заслужила хотя бы то, чтобы вы подумали о моей просьбе.

– Нет, не заслужили. Ваше предположение не получило достаточных оснований, вы во многом полагались на то, что даже при ошибке ничего не потеряете. Догадка, основанная на удаче.

– Допустим. Но остальные не додумались и до этого.

– Я не беру учеников.

– Почему бы не начать?

Таиса достала из куртки резюме, которое спрятала на время своих вынужденных акробатических трюков, и протянула Форсову смятые листы. Заметив, что она, рухнув в сугроб, заляпала несомненно дорогие брюки лектора снежными брызгами, Таиса бодро добавила:

– Соглашайтесь, Николай Сергеевич! Где вы еще такую непредсказуемую дуру найдете?

* * *

Пробежки в десятиградусный мороз Гарик считал умеренно дебильной идеей, которая наверняка забирала больше здоровья, чем приносила. Заниматься чем-то подобным он не собирался, ему даже на Матвея смотреть было холодно – из окна, сжимая в руках чашку горячего кофе.

Матвей же был верен себе: если он собирался что-то делать, он на погоду даже не смотрел. Он бегал и в дождь, и в снег, однажды даже в разгар грозы. Гарик тогда попробовал поспорить с Верой, убьет этого робота молнией или нет. Но Вера сказала, что спорить на чужую жизнь неэтично, да и лишних денег у нее нет.

Так что сегодняшний забег, час на морозе, еще можно было считать тренировкой в шадающем режиме. Когда Матвей вернулся в дом, Гарик уже встречал его, сидя на лестнице.

– В какой момент ты осознаешь, что тебе здесь не рады? – поинтересовался Матвей, сбрасывая покрытые снегом кроссовки.

– Я знал с самого начала. Но навязываться в гости к тем, кто мне рад, слишком просто и скучно. В чем тогда азарт?

– То есть ты теперь гадаешь, выселю я тебя или все-таки убью?

– Нет, до такого доводить бы не хотелось, – рассудил Гарик. – Сегодня я съеду. Но сначала посмотрю на новую девочку. Ты же знаешь про девочку?

О том, что Форсов подумывает взять еще одну ученицу, Гарик узнал почти случайно и только вчера. Зато все мысли об отпуске отпали сами собой, стало слишком любопытно. Сколько лет прошло с тех пор, как Форсов решался на такое? Десять? Пятнадцать? И уже тогда гремели крики, что это последний раз и больше никогда!.. К тому же тогда у профайлера были веские причины принять роль наставника.

А теперь ничего не случилось, Форсов просто провел лекцию, одну из многих, он таким десятки раз развлекался в последние годы! Ничто не предвещало появления особых обстоятельств... Но они появились, раз Николай Форсов запомнил чье-то имя, прочитал резюме и вызвал новенькую в свой дом.

Естественно, мимо такого Гарик пройти не мог и ждать был не готов. Едва узнав имя девушки, он бросился разыскивать ее в Интернете. Ему понравилось то, что он увидел.

Матвей наверняка сделал то же самое – и даже больше. Вот только ничего похожего на энтузиазм он явно не чувствовал.

– Да, я знаю про эту... девочку. Она не задержится.

– Да ладно тебе! Решать все равно будет Форсов, и вряд ли он спросит наше мнение, тут не демократия.

– Дело не в нашем мнении – оно все равно не склонило бы чашу весов, потому что ты бы голосовал «за», а я «против». Дело в том, что она не подходит.

– А почему ты голосовал бы против? – любопытствовал Гарик. – Ты девочку эту видел вообще? Нереально красивая, по-моему!

– И что? У нас тут, внезапно, конкурс красоты?

– Что, испугался, что отныне не ты будешь первой красавицей? – хмыкнул Гарик. Потом до него в полной мере дошло, что он сказал, и он тут же смутился. – Прости, не подумал... Тупо получилось.

Матвей окинул его взглядом, который был гораздо холоднее, чем воздух за окном.

– Это была безобидная тупая шутка. Оскорбительной она стала, когда ты начал извиняться, допуская, что в ней есть доля истины.

– Да нет, я... Я не то... В смысле... Короче, у меня нет вариантов, что сказать в такой ситуации, – сдался Гарик.

Он ожидал, что Матвей устроит ему выговор – от этого стало бы легче, даже такое условное наказание приглушило бы вину. Однако с Матвеем никогда не было простых вариантов. Хозяин дома теперь вел себя так, будто рядом с ним вообще никого не было, Гарик для него превратился в пустое место. И сложно было сказать, задет Матвей на самом деле или просто не считает нужным обсуждать опасную тему.

В фойе он не задержался, поднялся наверх – переодеться, конечно. Кто-то другой без сомнений отправился бы на встречу с новенькой в спортивном костюме, это же не официальный прием! Но Матвей был верен себе, оставшиеся до встречи двадцать минут он собирался потратить на душ и выбор делового костюма – черного, конечно. У Матвея все или черное, или белое, а раз он новенькой не рад, то будет черное. Ботинки, брюки, черная рубашка, пиджак и галстук, часы из черного металла, очки в черной оправе, никакого послабления, никогда.

Гарик даже не пытался таким озадачиться. Он считал большой удачей то, что приехал в чистых джинсах и свитере, но, если бы сложилось иначе, он все равно не стал бы метаться, стараясь выглядеть получше. Новенькая была не настолько важна, да и в чем-то Матвей прав – она может не задержаться.

В дом Форсова они отправились вместе. В этом не было нужды, но Гарик хотел проверить, будет ли Матвей обижаться за тупую шутку или закроет тему. Кажется, повезло. Матвей выглядел задумчивым, отвлеченным чем-то, он будто и не замечал, что у него есть спутник.

Когда они добрались до коттеджа Форсова, новенькая уже была там, сидела в гостиной, дожидаясь босса. Когда они вошли, она поднялась им навстречу, растерянно улыбнулась, скользя взглядом от Гарика к Матвею и обратно. Она не ожидала, что они появятся, но не насторожилась, ее нынешнее волнение было связано с Форсовым, не с ними.

Что ж, в реальности она оказалась даже красивей, чем на фотографиях, Гарик сразу признал это. Что вообще может быть естественней, чем признать красоту женщины? Это Матвей пускай бурчит, что внешность в их профессии не важна. Все важно, если задуматься. Новенькая, похоже, знала, что она красива, и умела это грамотно подать. Ее тонкая фигура была скрыта одеждой – но вместе с тем обтянута плотной тканью, джинсами и водолазкой, и сразу можно было оценить безупречность линий, длинные ноги, тонкую талию и полную грудь. Была бы унылым сухарем – спряталась бы в мешковатых брюках и безразмерном свитере, как сейчас модно. А она показала достаточно, и Гарик находил это многообещающим.

Лицо у новенькой было скорее очаровательным, чем классически красивым, но так даже интересней. Треугольное, с четкими от природы линиями бровей, огромными серыми глазами, маленьким аккуратным носом и полными губами. Глаза были расставлены, пожалуй, чуть шире, чем следовало бы для идеального образа, но девушке это шло. Ее волосы оказались очень длинными, собранными на затылке в хвост. Сначала они показались Гарика черными, но, присмотревшись внимательней, он обнаружил, что цвет поинтересней будет – оттенок темных кофейных зерен.

Матвей, стоящий рядом, видел то же, что и Гарик, но за красавицей он наблюдал равнодушно, чуть ли не с презрением, и никакой симпатии не испытывал. Все-таки робот... Гарик подозревал, что, когда на медосмотре у этого типа пытаются взять кровь, в колбу сыплются маленькие гайки... или выползают новорожденные аспиды.

Новенькая улыбнулась им – неуверенно, почти робко.

– Привет... Я, если честно, не ожидала, что еще кто-то здесь будет.

– Мы группа поддержки, – объявил Гарик.

Когда девушка протянула ему руку, он шагнул вперед, развернул маленькую белую кисть ладонью вниз и поцеловал. Потому что он подозревал: до того возраста, когда он станет воспринимать красивых женщин как друзей и братьев, ему оставалось еще лет шестьдесят. Или вечность. Скорее всего, вечность.

Матвей, конечно же, остался стоять на месте с каменной физиономией. Девушка наверняка заметила это, она уже бросила в его сторону настороженный взгляд. Но пока она предпочла делать вид, что все в порядке, дурой она точно не была.

– Таисия Скворцова... Но лучше Таиса, мне так привычней, – представилась она.

– Я Гарик, а йольское полено очень успешно изображает Матвей.

– У меня есть только один вариант насчет того, кто вы.

– Скорее всего, он верный, – кивнул Гарик.

– Для чего Николай Сергеевич вас вызвал?

– А он нас не вызывал. У Матвея нора на соседнем участке, а я случайно оказался там, немного понаблюдал, как он жрет жертвенных девственниц, и решил переключиться на более приятные занятия.

– Это объясняет твое присутствие, – усмехнулась новенькая. Она повернулась к Матвею: – А ты тут зачем? Я на роль жертвенной девственницы не подхожу по обоим параметрам.

Она использовала шутку, чтобы прощупать почву. Таиса пыталась наладить связь с ними, понимала, что так ей будет проще. Гарик был к этому готов. Матвей, конечно же, нет.

– Постарайтесь обойтись без фамильярности, – сухо посоветовал он. – Такое поведение излишне, вы здесь не задержитесь.

Гарик предполагал, что новенькая или смутится, или обидится. Однако Таиса осталась спокойна, только серые глаза чуть сузились, изучая собеседника.

– Вот как? Занятно. Даже я этого пока не знаю.

– На мой взгляд, все очевидно. Я не представляю, чем именно вы привлекли внимание Форсова. Возможно, это была ошибка с его стороны или удачное для вас стечение обстоятельств. Но если взглянуть на всю вашу жизнь, никакого другого резюме не понадобится, чтобы понять: вам здесь не место.

Ясно с ним все. Пока Гарик просматривал фотоальбомы новенькой, разглядывая ее фигуру в купальнике, Матвей воспользовался более серьезными источниками. На попытку угадать, что с ним не так, не было ни сил, ни настроения.

Куда занятней оказалось не его занудство, а то, как новенькая держала удар. Она снова не продемонстрировала ни намека на возмущение. Таиса спокойно опустилась в кресло, которое занимала до их прихода, устроилась поудобней, закинув ногу на ногу. Гарик, чтобы подыграть ей, плюхнулся на ближайший диван, и теперь казалось, что Матвей вытянулся перед гостьей, как подчиненный перед начальницей.

– И что же вы знаете о моей жизни? – любопытствовала Таиса, расслабленная, как кошка на солнце.

– Вам двадцать семь, вы психотерапевт, работать начали год назад. Из семьи медиков, обеспеченной, отец – кардиохирург, он и ваша мать – совладельцы частной клиники. Все дети работают там, кроме вас. Вы впервые вышли замуж в восемнадцать, не прожили с мужем и года, развелись. Второй муж был вас старше, воспитывал дочь от первого брака, с ним вы жили три года. Оба развода произошли по вашей инициативе.

Пока Матвей выдавал информацию, спокойно и ровно, Гарик наблюдал не за ним, а за девушкой. Это было интересней – и уже не только из-за ее красоты, красота как раз отошла на второй план. Когда они вошли, Таиса заметно волновалась и не скрывала этого. Да и понятно, почему – она наверняка понимала, что ей придется очень постараться, чтобы впечатлить самого Форсова! Однако теперь, когда Матвей открыто проявил к ней враждебность, она собралась, она сумела придушить собственный страх и была абсолютно уверена в себе. Гарик на ее месте вел бы себя точно так же: когда тебе в лицо бросают твои былые грехи, сделай вид, что так и было задумано.

– Подозреваю, что минимум половина этих данных добыта незаконным путем, – указала Таиса. – Но пока оставим это за скобками, потому что мне все равно. Вы только что подтвердили, что у меня подходящее образование, нет проблем с законом, ну а отсутствие семьи оставляет мне больше времени на обучение. Я идеально подхожу.

– Сожрали тебя без кетчупа, – прокомментировал Гарик. – Отступи, пока еще больше не опозорился.

Однако отступить Матвей не собирался, он-то прекрасно понимал, что никакого позора пока не было, Гарик просто предлагал ему отказаться от конфликта. Не срослось.

– Эти факты говорят лишь о том, что вы не способны на ответственность, капризны, избалованы и нестабильны, – равнодушно указал Матвей. – Обучение такого человека стало бы напрасной тратой времени.

– Я избалована только потому, что выросла в богатой семье?

– Нет. Потому что вы не сумели построить отношения со своей семьей. Вы съехали из дома в восемнадцать, больше туда не возвращались, с родителями видите редко, и все это – верные признаки отстраненности. При этом вы без сомнений приняли у отца деньги на обучение. От вас ожидали выбора медицинской специальности и работы в семейном бизнесе. Вместо этого вы предпочли ранний брак. Судя по скоропалительному разводу, этот брак был именно подростковым протестом, а не печальной историей любви.

– Неплохо, – кивнула Таиса. – Что-нибудь еще, чтобы подтвердить мою безответственность?

– Хватает. Для второго перформанса с замужеством вы выбрали мужчину с ребенком – не задумываясь о том, как это повлияет на ребенка. Вы потратили восемь лет на обучение, но потом решили, что психотерапевт – недостаточно увлекательная игра для вас. Вы делаете то, что вам интересно, и без сомнений бросаете, когда вам становится скучно. Не считаясь с тем, сколько разрушений и травм можете спровоцировать.

– Вы утрируете и драматизируете одновременно.

– Но сути это не меняет. Сейчас ваша новая забава – профайлинг. Когда окажется, что тут тоже нужно работать, причем с преступлениями, а это неудобно и порой кроваво, вы осознаете себя тренером по саморазвитию, или поваром, или дирижером... Не важно, кем, но вы уйдете. Так не проще ли сразу перейти к тому моменту, когда вы уходите, чтобы всем нам сэкономить время?

Гарик допускал, что Матвей вполне может быть прав. Прошлое Таисы указывало на такой тип личности, при всех своих недостатках профессионалом Матвей был отменным. Гарика это не смущало, он никогда не считал эгоизм проблемой. Ему по-прежнему было любопытно, как парирует удар Таиса.

Но на сей раз парировать она не собиралась, как не собиралась и возмущаться. Она со скучающим видом повернулась к Гарику и спросила:

– Он всегда такой душный? Или только по средам?

– Это он еще на позитиве. Когда он в плохом настроении, он до начала спора покрывается плесенью.

– Низкопробный юмор вам не поможет, – указал Матвей. – Поступите правильно. Поступите мудро. Уйдите.

Ответить Таиса не успела – ее опередил голос Форсова, прозвучавший со стороны коридора.

– Достаточно. Матвей, твою точку зрения я услышал.

В этом и сомневаться не приходилось: Форсов никогда никуда не опаздывал. Если он задержался, то лишь для того, чтобы из коридора послушать их беседу. Теперь же босс решил, что пора вмешаться, и вошел в комнату – все такой же спокойный и уверенный. Сегодня он не считал нужным притворяться жизнерадостным стариканом, а значит, Таису он воспринимал всерьез.

– Я не понимаю, зачем это вообще нужно, – сказал Матвей.

– А я просил твоего понимания? Или, если уж на то пошло, твоего присутствия? Не ты будешь учить ее, если все сложится. Не тебе предстоит тратить свое время, даже если впустую. Так зачем ты лезешь, куда не просят?

Таиса затаилась в кресле, наблюдая за мужчинами. Она, должно быть, считала, что Матвею и правда досталось. Гарик же знал, что эти двое никогда толком не ссорятся. Форсов считает Матвея своим самым удачным проектом, в некотором смысле – своим наследием, поэтому мнение его на самом деле ценит. Матвей же знает, когда это мнение нужно проталкивать, когда – просто предложить.

Так что их болтовню Гарик не слушал, он пытался просчитать, зачем Форсову понадобилась эта девушка. В одном старик был честен: он терпеть не мог роль учителя, она не доставляла

ему никакого удовольствия. У Форсова были причины взять под крыло и Гарика, и Матвея, причем то были очень значимые причины. Но эта девушка... Зачем она старому профайлеру? Ей не нужна помощь, и она вроде как бесполезна, даже если талантлива...

Причина должна быть. То, что она не на виду, лишь пробуждало в душе Гарика знакомый азарт, стремление докопаться до истины, которую тщательно скрывают.

Вот только Таиса, которая знала Форсова намного хуже, даже не догадывалась, что может быть полезна ему, она наверняка воспринимала всю эту историю с обучением как благотворительность. Когда Форсов повернулся к ней, она подскочила на ноги, все-таки выдав свое волнение.

– То, что я пригласил вас сюда, дорогая моя, вовсе не означает, что я принял какое-то решение, – сказал Форсов. – В чем-то Матвей прав – не в хамстве, конечно, но в некоторых своих предположениях. Ваш первый успех может быть связан исключительно с удачей, я сказал вам об этом сразу. Поэтому мне нужно понять, как вы мыслите и что вы можете.

– Когда вы пригласили меня сюда, вы не сказали, что мне нужно будет сделать.

– Да, потому что тогда вы попытались бы подготовиться к тому, к чему подготовиться нельзя. Сейчас в библиотеке, это соседняя комната, лежит папка с материалами реального уголовного дела. Оно было закрыто больше года назад, а само преступление произошло четыре года назад. Суть его достаточно проста: тридцатилетняя Диана Вдовина после расставания с сожителем обратилась к психотерапевту, рекомендованному ей знакомыми – как видите, я выбрал то, что должно быть вам хоть сколько-то близко.

– Не думаю, что это будет мне так уж близко, – вздохнула Таиса.

– По мере развития событий – определенно нет. Евгений Гончуков, тот самый психотерапевт, расценил ее состояние как близкое к истерике и предложил вколоть ей успокоительное. Вдовина согласилась. В себя она пришла, по ее словам, на улице – спустя три часа после укола. Изнасилованной. Вдовина немедленно обратилась в полицию и предоставила в качестве доказательства биологический материал предполагаемого насильника, обвинив в преступлении Гончукова. Гончуков сразу же согласился сотрудничать со следствием и сдал кровь на тест ДНК. Тест показал, что сексом с Вдовиной занимался не психотерапевт. Вдовина, изначально получившая поддержку большинства знакомых, ныне представляла обманщицей. Благоразумней было бы отступить, но она не сдавалась. Новый адвокат, нанятый ею, указал, что кровь Гончуков сдал в той же больнице, где работал, без соответствующего контроля. Гончуков сдал тест повторно, в присутствии полиции, но с тем же результатом – несовпадение. Ему можно было предъявить лишь то, что он вколол Вдовиной слишком сильный препарат. Остальные улики как раз оправдывали его – камера наблюдения зафиксировала, что Вдовина покинула больницу сама, добровольно, одна. Более того, выяснилось, что за несколько лет до этого случая она шантажировала своего сожителя беременностью, которой на самом деле не было. Гончуков предположил, что теперь она просто вышла на новый уровень и хочет денег.

– Но при чем тут профайлинг? – не выдержала Таиса. – Слушайте, я, конечно, еще не профи – только надеюсь им стать. И все же мне казалось, что профайлинг нужен для определения того, что представляет собой преступник...

– Так определите, – кивнул Форсов. – Вы еще просмотрите документы, но уже моих слов вам должно быть достаточно, чтобы понять: дело зашло в тупик. Гончуков, согласно уликам, был невиновен. Вдовина не желала оставлять его в покое. В это дело по моей просьбе вмешался Матвей. Он определил, кто из этих двоих врет. От вас я ожидаю того же, дорогая моя. Сегодня вечером вы должны сказать мне, кто в этой истории преступник и почему. Если же вы не сможете этого сделать, мы попросимся, чтобы действительно не тратить напрасно время. Профайлеры, которые полагаются лишь на удачу, не спасают жизни, Таисия, да и сами они долго не живут. Прошу, приступайте – время пошло!

* * *

В тесном кабинете было темно – работала только одна лампочка из трех. Тусклая, рыжая, сорок ватт. Полусвет бил по нервам, сейчас все было по нервам. Голоса звучали резко, раздраженно, почти зло.

– Она не была убита!

– Но в отчете перечислены травмы! Некоторые очень подозрительны...

– Они могли привести к смерти?

– Нет...

– Она могла нанести их сама?

– Да, но...

– Значит, сама и нанесла.

Сигаретный дым вился в воздухе ядовитыми кольцами. На стене за сизой завесой просматривалась выцветшая наклейка – красный круг с перечеркнутой сигаретой.

Не курить.

Не надейтесь.

– Нельзя это так оставлять... Она была беременна.

– Жалко, конечно, ну и что теперь? Какое отношение это имеет к ее смерти?

– А еще она была девственницей.

– Что?.. Что за бред вообще? Так не бывает!

– Так было.

– Но это все не важно! Она умерла от холода. Просто забралась на сосну и замерзла – сама! Заблудилась и замерзла.

– Она могла убежать от преступника...

– Не было там преступника! Слышите меня? Не было, прекратите такие разговоры, только людей пугаете! Она умерла случайно. Искать некого!

– А если не случайно? Если преступник все-таки был? Вы понимаете, что не обойдется без новых жертв?

– Вот убьют новых – тогда и поговорим! Что вы на меня смотрите, будто я какой злодей? Вы и сами знаете, что лес обыскали... Там нет ни единого указания на присутствие второго человека! Не важно, верю я вам или нет, мы все равно ничего не можем сделать. Даже если этот преступник был... его все равно что не было.

Глава 3

В какой-то момент Таисе показалось, что Форсов просто издевается над ней. Он и сам прекрасно знает, что выполнить это задание невозможно, не за такой срок так точно, старикан просто мстит ей за заляпанные грязью штаны! Естественно, эта мысль долго не продержалась. У Форсова график расписан на полгода вперед, его вниманием жаждет завладеть целая толпа, такой человек ни минуты бы не потратил на мелкую пакость. Получается, решение должно быть...

Понятно, что во время расследования профайлеров никто не ограничивал во времени – и уж точно не требовал от них ответов за полдня. Зато им приходилось собирать всю информацию самостоятельно, а Таисе сразу предоставили внушительную стопку документов и распечаток. Здесь были протоколы, медицинские справки, результаты анализов, даже распечатки страниц из социальных сетей всех, кто был связан с этой историей.

На первый взгляд казалось, что врет Диана. Репутация Евгения Гончукова была безупречна, многие находили смешным само предположение о том, что почти пятидесятилетний доктор сорвется, как шестнадцатилетний пацан, увидев грудастую тетку. Гончуков был счастливо женат, к тому же у человека с его положением и финансами хватало возможностей завести любовницу.

Зачем ему рисковать ради Дианы? Она выглядела куда старше своих тридцати, не отличалась ни особой красотой, ни хорошим вкусом. На большинстве своих фотографий в социальных сетях она представала скорее раздетой, чем одетой. Ее любимой позой для селфи была съемка сверху – она держала телефон над собой на вытянутой руке, а второй рукой подпирала груди так, словно надеялась утопить в них подбородок. Ей, должно быть, казалось, что ее наивный трюк никто не замечает. Она искренне верила комплиментам в соцсетях, не понимая, что комплименты там отвешивают даже куску ветчины, если под изображением написано «Девочки, я ведь красотка?»

Она была персонажем, который обманывает. Он был персонажем, которого подставляют и шантажируют. Они вписывались в типичную историю. И все же где-то притаился подвох, если это дело не завершилось так, как ожидалось, а было раскрыто с помощью Матвея...

Зря она о Матвее подумала, конечно. Таисе только-только удалось отстраниться от эмоций и сосредоточиться на поведенческом анализе, как она сама впустила в память раздражающий образ.

Она не ожидала встречи с учениками Форсова, не сегодня так точно. Интересно, это он их послал, чтобы сбить ее с толку? Хотя нет, вряд ли. Судя по всему, сами явились, и она пока не представляла, как к ним относиться.

С Матвеем проще: он не понравился ей настолько же, насколько она не понравилась ему. Не сразу, конечно. Сразу, как только он вошел, Таиса была заинтригована. Матвей оказался высоким, под два метра, пожалуй, с отличной фигурой, выдававшей долгие часы спортивных тренировок. Черты лица грубоваты, зато чувство стиля определенно есть, все продумано, и даже блики на линзах очков наверняка не случайно прячут глаза... Но очарование длилось до тех пор, пока «загадочный брюнет» рот не открыл. Когда стало ясно, что он относится к ней с презрением, Таиса с готовностью ответила тем же. Она была не из тех, кто находит мазохистское удовольствие в завоевании симпатии вопреки всему. Поэтому Матвей в ее внутренней схеме реальности был помечен как чмо, от которого нужно держаться подальше.

Даже если то, о чем он говорил, было не так уж несправедливо, многое он угадал верно... Ему и угадывать не следовало, никто не просил его совать свой нос в чужие дела. Так что здесь Таиса уверенно могла сказать, что правда на ее стороне.

Куда сложнее обстояли дела со вторым учеником, Гариком. Этот сразу показался приветливым, каким-то наивно дружелюбным... Но именно это и заставило Таису искать подвох. Наивный дурачок не стал бы учеником Форсова. Причем Гарика этого он обучает достаточно давно, тот наверняка и сам уже работает профайлером, сталкивается и с убийцами, и с насильниками, и с прочими извращенцами... Ну и откуда тогда такая жизнерадостная улыбка? Он просто умеет отстраняться от работы – или что-то скрывает?

Впрочем, Гарик в любом случае понравился ей больше. Даже если он что-то скрывает, ей какое дело? Докапываясь до него, она ведет себя как Матвей. Таису вполне устраивало то, что Гарик был приветлив и вежлив. Второй ученик Форсова напоминал ей лиса – и внешностью, и хитрым блеском в глазах. Он был не таким здоровенным, как Матвей, зато подвижным и артистичным, с темно-русыми волосами, тонкими чертами и безупречной улыбкой.

Если бы кто-то во время этой встречи наблюдал за происходящим, он бы решил, что два ученика Форсова полные противоположности. Злой, мрачный и весь в черном Матвей. Очаровательно милый Гарик, домашний, в джинсах и свитере, простой такой... Все понятно! Таиса же подозревала, что они похожи куда больше, чем кажется на первый взгляд. Если задуматься, Гарик не вмешивался, когда Матвей устроил эту свою отповедь...

Но с ними можно будет разобраться позже, проблемой они станут, только если Таиса останется. Пока шансы такого исхода скорее уменьшались, чем увеличивались.

Очень скоро библиотека, до этого безупречно чистая, выглядела так, будто в ней кейс с документами взорвался. Таиса закрепила листы бумаги на полках, разложила на столе, парочку даже сумела повесить на люстре. Она надеялась, что, если все будет перед глазами, ответ наконец появится.

Вот только ответа пока не было. Факты оправдывали Гончукова. Может, в этом и был подвох? Форсов намеренно дал ей задание, где все очевидно, чтобы проверить, будет она работать с уликами или погрязнет в своих фантазиях?.. Нет, он не зря сказал, что дело раскрыл Матвей. Матвей, хоть и чмо, наверняка его любимый ученик, раз ведет себя так нагло. Но за что тут вообще можно зацепиться?..

– Ты выглядишь так, будто готова сжечь здесь все к чертям собачьим, – прозвучал со стороны двери знакомый голос.

Таиса не ожидала, что у нее появится компания, ее на много часов оставили в покое. Она и сама не понимала, каким чудом ей удалось не вздрогнуть, обернуться к внезапному собеседнику вполне спокойно, будто она давно уже ждала его.

– Это мой план Б, – указала она. – На случай, если план А так и не появится.

Гарик не спешил приближаться к ней, он наблюдал за ее поделками из бумаги. В руках он держал две одинаковые красные кружки, от которых по библиотеке стремительно разлетелся запах гвоздики и корицы.

– Глинтвейн притащил? – удивилась Таиса. – Думаешь, во всем этом можно разобраться только на пьяную голову?

– Он безалкогольный. Вера сама делает, бери, не пожалеешь. А нормального глинтвейна ты в этом доме и не дождешься. Вера не пьет, потому что ей не вкусно, боссу уже здоровье не позволяет, а Матвей боится спиртом тараканов в голове протравить.

– Да уж, незавидный исход: без них он станет просто мерзким типом.

– Так он и сейчас мерзкий тип! – хмыкнул Гарик.

– Нет, сейчас он мерзкий безупречный профайлер, который, похоже, меня уделал...

– Ты не рано сдаешься? Еще только шесть.

Таиса упустила момент, когда наступил закат. Из-за эмоционального напряжения не хотелось ни есть, ни пить – такое с ней часто случалось. Но первый же глоток показал, что теплый напиток сейчас будет очень кстати. Гарик не обманул: глинтвейн Вера, жена Форсова, делала отменно.

Даже передав Таисе чашку, Гарик не спешил уходить. Он потягивал собственную порцию напитка, разглядывая листы бумаги с легким любопытством. Он не пытался ни вчитаться в текст, ни внимательней изучить картинки, и это подталкивало к единственно возможному выводу...

– Ты ведь помнишь это дело?

– Конечно, – кивнул Гарик. – Я занимаюсь этим меньше, чем Матвей, но достаточно долго, чтобы все нужное помнить.

– И ты знаешь, что именно он сделал?..

– На подсказку надеешься? Очень зря. Во-первых, Форсов тебя мигом раскусит, пользы тебе от моих подсказок не будет. Во-вторых, мне за такие финты оторвут что-нибудь нужное, в лучшем случае ногу. Я тебе честно скажу: босс реально не решил, брать тебя на обучение или нет. Я вижу, что ему не особо хочется, и я понятия не имею, почему он вообще допустил такую возможность.

– Это должно меня поддержать или ты подыгрываешь Матвею, подталкивая меня к самоубийству от отчаяния?

– Все-таки поддержать, – подмигнул ей Гарик. – Я действительно не против, чтобы ты осталась. Сдается мне, с тобой будет интересней. Ты, надеюсь, не будешь ходить с такой рожей, будто еще вчера ты был британской королевой, а сегодня прописан в Мытищах. Так вот, я тебе советую думать о том, что босс допустил возможность тебя учить вопреки собственному желанию. У тебя есть шанс.

– Который я пока заваливаю!

– Что, совсем по нулям? Реально нет догадок?

– Я думаю, что злодей у нас все-таки доктор, – указала Таиса.

– Почему?

– Потому что девица слишком уж похожа на шантажистку, слабоватую на передок. Все не может быть настолько очевидно.

– Хреновый довод, – пожал плечами Гарик. – Предполагается, что ты профайлер, а не гадалка. Все, что ты будешь говорить боссу, тебе придется обосновать. Матвей смог. Просто думай как он.

– Я не могу думать как человек, который выглядит так, будто мастурбирует на налоговый кодекс, – простила Таиса.

Гарик, только-только сделавший глоток, поперхнулся, закашлялся так, что чуть не уронил кружку. Таиса опасалась, что сейчас он вышвырнет ее вон за оскорбление друга, но его кашель перешел в смех.

– Ловко, – оценил он. – Отдельный плюс за выбор глагола.

– В моих мыслях глагол был другим. Замену требую считать данью уважения этому снобу.

– Ага, уверен, он оценит... Слушай, да разгадывай ты это дело и оставайся! – потребовал Гарик. – С тобой реально интересней будет!

– Твой энтузиазм не делает ситуацию проще. Здесь же куча макулатуры, половина лишняя вообще!

– Здесь нет ничего лишнего.

– Да ладно! Как минимум лишние копии медицинских отчетов, я в них путаюсь уже!

– Здесь нет ничего лишнего, – многозначительно повторил Гарик, глядя ей в глаза. Потом он снова улыбнулся. – Ладно, заболтался я с тобой, пойду Матвею расскажу про новую черту к его портрету!

– Ага, иди. Святой водой его попробуй облить, вдруг поможет.

– Пробовал уже – шипит, матерится на латыни, но не исчезает. Удачи, надеюсь, еще увидимся!

Он ушел, и вроде как он ничего ей не подсказал... По крайней мере, придаться к нему было сложно. Но Таиса все равно была ему благодарна – и за поддержку, и за намек.

Если лишнего нет, значит, и повторяющиеся медицинские документы тоже важны. Это не случайно затерявшаяся в общей стопке копия, во всем есть смысл. В каждой фотографии, в многостраничных стенограммах допросов. Форсов не дал Таисе узнать, кто в итоге был обвинен по этому делу, каким стало наказание, это сделало бы ситуацию слишком очевидной, так что вряд ли он будет ожидать от нее всех подробностей. Но раньше Таисе было вообще нечего ему сказать, а теперь кое-какие ответы у нее появились.

В девять часов в библиотеку явились все, кто находился в доме. Прийти полагалось одному Форсову, он же вроде как принимал этот экзамен! Но Таиса удивилась бы, если бы остальные занялись своим делом.

Форсов был сдержан, почти мрачен, однако вряд ли это было связано с Таисой. Казалось, что ему и самому хотелось, чтобы она прошла испытание, и все же он не готов был дать ей второй шанс. Занятное сочетание, если она все поняла верно.

Его жена, Вера, миловидная полная блондинка, ободряюще улыбалась Таисе, и от этого становилось чуть легче. Вера казалась мягкой, почти робкой, словно она давно уже стала всего лишь заменой прислуги. Однако Таиса не позволила себе обмануться: она видела, что на эту женщину с неподдельным уважением смотрит даже Матвей.

Матвей, конечно же, тоже явился. Он был слишком умен, чтобы победоносно ухмыляться, он все еще пребывал в отвратительном настроении. Казалось, что в уме он уже отсчитывает секунды до момента, когда ему позволят дать Таисе пинка под зад.

И только Гарик по-прежнему безмятежно улыбался, словно уже был уверен в победе Таисы.

– Ну что, дорогая моя, вы не зря потратили на нас весь день? – поинтересовался Форсов.

– Не могу сказать, что я доказала бы вину Гончукова в суде, – признала Таиса. – Зато теперь я не сомневаюсь, что это сделал он. Именно он врет, не Диана.

– Вот как? Почему же?

– Давайте начнем с Дианы. Она, скажем честно, не слишком умна. Да, ее уже ловили на лжи и попытках шантажа, но это всегда были бесхитростные стратегии. Как только становилось ясно, что она попалась, Диана всегда отступала. Она прекрасно знала, что у нее не хватит ума на стратегию посложнее. А в случае с Гончуковым она уперлась. Ей не нужно было ничего выдумывать, низкий интеллект вполне допускает наивную детскую веру в справедливость.

– Или она была слишком глупа, чтобы отступить? – предположил Форсов.

– Нет, не вариант, слишком высокой была для нее плата. Сначала общественное мнение было на стороне Дианы. Но когда Гончуков прошел первый тест, многие сразу начали обвинять ее во лжи. И чем дольше это продолжалось, тем хуже становилась ее репутация. Она теряла знакомых, друзей, получала осуждение толпы... Ну и деньги на адвокатов уходили неслабые! И еще один важный момент: расследование продолжалось несколько лет, но Диана никогда не путалась в показаниях, кто бы ни проводил допрос. Мы уже знаем, что с умом и фантазией у нее не очень. Вывод тут предсказуем: она снова и снова говорила правду.

– Свою правду, – уточнил Матвей. – То, что она верила своим словам, вовсе не означало, что ее действительно изнасиловал Гончуков. Возможно, он просто неверно выбрал препарат, это повлияло на Вдовину, она была в некоем подобии транса, и этим воспользовался кто-то другой.

– Хороший сюжет, вам бы дамские романы о разлученных близнецах писать, – со смиренной улыбкой отозвалась Таиса. – И тем не менее, это был Гончуков. Препарат, который он использовал, кстати, вполне объективная улика. Никто таким не успокаивает психующую женщину. Я тут погуглила немного, если я правильно поняла, это лекарство чаще применяют на пациентах, которые находятся на искусственной вентиляции легких и в тому подобных состоя-

ниях... Короче, на тех, кому нужно облегчить физические страдания и не страшно будет потерять воспоминания о моментах, связанных с пробуждением. Гончуков – врач с большим опытом, не мог он ничего случайно перепутать.

– Но и невозможно доказать, что он не перепутал и не ошибся, – заметил Форсов. – Это ваш единственный довод?

– Нет, это даже был не первый мой довод. А первый мой довод связан с тем, как резко Гончуков согласился сотрудничать со следствием. Если говорить о психологическом профиле, то это человек уверенный в себе, тщеславный, даже влюбленный в себя. Его кабинет увешан грамотами и дипломами. В соцсетях, которые он вел на удивление активно для человека его возраста и профессии, или описания карьерных достижений, или фото Гончукова с девушками – медсестрами, интернами. Не суть важно, кем, главное, что молодыми и красивыми. Он изо всех сил показывал миру, что он крутой профи и мужик ого-го. Такой человек, если бы его несправедливо обвинили в изнасиловании, возмутился бы и послал подальше всех – и шантажистку, и полицию. Его можно было бы заставить сотрудничать, да и то с трудом, он выше подобных обвинений. А он чуть ли не в подарочной упаковке свою кровь притащил! Он был виновен. Ему просто хотелось уделать и следствие, и Диану. Он поэтому и обошелся без презерватива, оставил следы изнасилования: он стремился не только получить Диану, но еще и, pardon, поиметь полицию, только в другом ключе.

– Смотрите, она умеет проводить поведенческий анализ и много места не займет, – с невинным видом отметил Гарик. – Давайте ее оставим?

– Не лезь пока, сбиваешь, – поморщился Форсов. – То, что я услышал, неплохо. Но этого недостаточно. Поведенческий анализ и показания профайлера не могут стать полноценными уликами в суде, вам это наверняка известно. Все, что вы сказали, можно отнести к домыслам. А как же факты?

– Факты или их интерпретация? – усмехнулась Таиса. – Гончуков был оправдан на основании теста ДНК. Но есть повод полагать, что он сделал что-то с собственной кровью. Первым анализом вообще можно пренебречь: забор проводился непонятно как, у Гончукова была тысяча шансов подменить образец.

– Именно поэтому адвокату Дианы Вдовиной без труда удалось добиться второго анализа – кровь взяли в присутствии полиции, но результат был тем же.

– Когда вы вот так все обобщаете – да, выходит гладко. Однако есть нюанс, – Таиса постукала рукой по бумагам. – Анализ крови брали не один раз. Гончуков наотрез отказался сдавать кровь из пальца, назвав этот метод варварским и не дающим достаточно точный результат. Но когда лаборант попробовал взять кровь из вены, ничего толкового не получилось. Кровь почти не шла, там и колбы не набралось. Гончуков заявил, что это из-за холода и стресса. Он потребовал, чтобы анализ взяли через неделю, и все прошло нормально. В суде потом говорили только о втором анализе, как будто его сразу взяли! Но протокол о неудачной попытке остался.

Никто пока ничего ей не говорил, однако слова были и не нужны. Таиса наблюдала за присутствующими, видела, как улыбаются Гарик и Вера, как сам Форсов не удержался и кивнул один раз. Это окрыляло. И только Матвей был мрачнее тучи. Это окрыляло еще больше.

– Что это вообще за ситуация: кровь у человека взять не могут? – продолжила Таиса. – Отговорка про «просто замерз» ни в одной ситуации не работает, если что! Но никого почему-то не удивило, что у Гончукова с венами косяк. Я порылась в его показаниях, данных до второго анализа. Там Гончуков жалуется, что на него в последнее время обрушилось тридцать три несчастья: на улице на него напали бродячие собаки и травмировали левую руку, потом шантажистка какая-то прицепилась... Короче, бедный и несчастный. А я думаю, после того нападения собак что-то случилось с его кровью – то ли инфекция, то ли что... Не знаю. Но он был готов к этому трюку с самого начала расследования. При втором заборе что-то пошло не так, подстава чуть не сорвалась. Но Гончуков сумел все исправить и окончательно оправдаться.

– Это все равно не поворачивает дело в пользу Вдовиной, – холодно произнес Матвей.

Тут уже Таиса не выдержала:

– Слушай, я понимаю, что ты накопил намного больше и вообще фея профайлинга! Но это не моя работа – искать доказательства и все перепроверять. Это работа полиции! Моя работа – указать, в какую сторону смотреть и что учитывать при допросе.

– Типично любительский подход...

– Достаточно! – вмешался Форсов. – Матвей, я позволил тебе присутствовать, только когда ты пообещал не вмешиваться. Надеюсь, ты в состоянии не нарушать наш уговор.

Матвей безразлично пожал плечами. Извиняться он даже не собирался, но вступать со своими комментариями прекратил, и Таису это вполне устраивало.

Форсов снова повернулся к ней:

– Поздравляю, дорогая моя, все, что вы сказали, верно – или почти все. Но то, что вы должны были вычислить как профайлер, верно. Матвей превзошел вас, потому что обладает неплохим медицинским образованием.

– Я ошиблась насчет нападения собак, да? – догадалась Таиса.

– Верно. Не было никакого нападения. Как вы уже знаете, когда Диана Вдовина впервые обвинила Гончукова в изнасиловании, многие были на ее стороне. Нечто подобное Гончуков проделывал и раньше, он начал казаться подозрительным. Вероятнее всего, в случае с Дианой он не допустил ошибку, он намеренно спровоцировал расследование, чтобы одним махом избавиться себя ото всех подозрений.

– А Диану выбрал, потому что она эмоционально нестабильна, не слишком умна и у нее уже подпорчена репутация?

– Тоже верно. Гончуков прекрасно знал, что, если он оставит... биологический образец, будет анализ. Он мгновенно согласился на сотрудничество, потому что надеялся провести этот анализ с максимальными для себя выгодами. Как вы и предположили, в первом случае он передал образец крови своего пациента.

– Ну, так предположила не только я, он должен был знать, что кто-то может докопаться.

– Конечно, – кивнул Форсов. – Именно поэтому он вживил себе под кожу небольшую пластиковую трубку, которую в любой момент мог заполнить образцом чужой крови. Чтобы кровь представлялась достаточно живой, он использовал антикоагулянты.

– А это вообще возможно? – растерялась Таиса.

– Как видите, возможно. Легенду о нападении собак он использовал, чтобы объяснить шрамы на своей руке – их было больше, чем требовалось для внедрения трубки, так он избежал ненужных подозрений. Правда, и у него все получилось не сразу. Первая попытка взять кровь из трубки оказалась неудачной. Но Гончукову удалось преодолеть это, второй анализ сработал в его защиту. Вполне вероятно, третьего анализа он бы уже не допустил, сославшись на то, что и второго достаточно. Честного человека нужно оставить в покое. Вы были правы, он торжествовал, он победил, он снова был в безопасности – и на вершине.

– Но вы сказали, что Матвей во всем разобрался... И Гончуков был наказан?

– Иначе я бы не использовал этот пример. Безнаказанное зло угнетает, не так ли?

– Как это сделал Матвей? – допытывалась Таиса. На самого Матвея она демонстративно не смотрела. – Даже если он догадался про трубку... Нужно было принудить Гончукова к экспертизе, сам бы он не согласился. А пока полиция искала бы способ сделать это, он бы избавился от улики...

– Именно так, поэтому трубка не использовалась как аргумент. Задержание и новое разбирательство по делу Евгения Гончукова связаны с показаниями его жены.

– Подождите, я совсем запуталась... Когда в эту историю втанцевала его жена?

– Вы ее реально путаете, – вмешался Гарик. – Там все это неделями развивалось, а вы на нее весь набор данных одним махом обрушиваете! Короче... Суду Матвей не смог бы все это

доказать, зато доказал жене Гончукова. Она хоть и защищала благоверного перед следователями, в глубине души подозревала, что он скорее паскуда, чем нет. Ей-то просто было проверить, есть у него трубка под кожей или нет, нападали ли на него собаки... Когда она убедилась, что Матвей все сказал верно, она взглянула на мужа другими глазами.

– И что обнаружила?

– Что тот препарат, который Гончуков использовал на Диане, вопреки всем нормам хранится и у них дома. А еще – что ее дочь, которая, кстати, не была дочерью Гончукова, страдает провалами в памяти. Тут бы и обезьяна сложила два и два, так что разгневанная супруга ломанулась в полицию. Началась новая проверка, неожиданная для Гончукова, во время которой было использовано все, что только можно. В итоге добрый доктор все-таки выплатил Диане нехилую компенсацию и надолго присел.

– То есть, Матвей манипулировал женой Гончукова? – уточнила Таиса.

– Не думаю, что вы бы сумели, – отозвался Матвей. Он даже с места не сдвинулся, так и стоял, сложив руки за спиной, как перед расстрелом.

– Но я и не ожидал, что Таисия предложит решение, – напомнил Форсов. – Это действительно не работа профайлера, да и в ресурсах она все же была ограничена – начиная с времени. Мы здесь говорим уже не о расследовании, мы говорим об экзамене. Мне нужно было увидеть, как Таисия работает, как она мыслит, и я это увидел. Поздравляю, дорогая моя, и надеюсь, что ваш энтузиазм со временем не угаснет – потому что я готов вам помочь.

Таиса знала, что к этому идет. Догадаться можно было, когда Форсов начал объяснять ей все подробности, он хотел, чтобы она поняла. Нежеланную гостью не обучают, ее выставляют за дверь. И все же Таисе нужно было подтверждение, ей казалось, что она из собственной кожи выскочит, если не услышит те самые слова...

Теперь она их услышала. Пожалуй, следовало сдержаться, остаться гордо невозмутимой, как звездный ученик Матвей, сделать вид, что для нее это все не столь важно. Однако Таиса так не могла. Она рванулась вперед и обняла Форсова до того, как он успел отскочить – только так сейчас можно было выпустить на свободу часть накопившегося стресса.

Форсов беззлобно что-то ворчал, Вера улыбалась, глядя на них так, как взрослый наблюдает за играми детей. Матвей смотрел на Таису со скорбью, больше подходящей для того, чтобы бросить пригоршню земли в могилу. Однако это тоже было частью победы, которую испортил, как ни странно, Гарик, на всю комнату объявивший:

– Наконец-то в этой компании зануд появится еще один человек, который умеет бухать!

* * *

Николай Форсов прекрасно знал, что всегда должен выглядеть уверенным. Жизнь научила. Многие смотрят на него, ученики – с ожиданием наставлений, недоброжелатели – с надеждой на то, что он хоть как-то проявит слабость. Ошибется, засомневается... упадет. Все рано или поздно падают.

Он не собирался доставлять им такого удовольствия и уж тем более подводить тех, кто поверил в него. Николай умел скрывать свои истинные чувства, окружающие давно уже не сомневались, что у него все под контролем. Он не был безупречен, но со своей работой он справлялся... А теперь падение вновь замаячило на горизонте.

Он ни в чем не ошибся, его вины в неизбежном поражении вообще не было. Просто так случается... Здоровье лишь отчасти наша ответственность, во многом – лотерея. Или русская рулетка, как посмотреть. Ты будто бежишь наравне с остальными, постепенно становишься лучшим, ты выигрываешь!.. Но прилетает камень, брошенный непонятно кем и непонятно зачем. Скорее всего, вообще без причины, и в тебя он попадает случайно. Его достаточно,

чтобы сбить тебя с ног, и вот уже бегут остальные, а ты лежишь на обочине, окровавленный, побежденный, и пытаешься найти ответ на тот самый вопрос...

За что?

Ведь победа и поражение должны доставаться за что-то, так? А если не было слабости, за что отвечать? Но спрашивать не у кого, да и ответа, скорее всего, нет. Тебе только и остается, что справляться с последствиями. Кое-как подниматься, пока остаются силы. Идти там, где раньше бежал. Уже не надеяться на победу – но пытаться хоть что-то изменить, прежде чем все закончится.

Николай прекрасно знал, что его время истекает. Многие его ровесники еще не думали о старости, они жили полной жизнью, да и он бы мог, но не повезло. Теперь он куда чаще размышлял не о радости, а о том, что оставит после себя. Плохо, когда в списке приоритетов такой лидер, однако ничего не поделаешь.

Эти мысли он держал при себе. Перед учениками и коллегами он по-прежнему должен был выглядеть сильным. Ну а Веру он попросту жалел, хотя догадывался, что многое она понимает без слов. Все, что оставалось Николаю, – смягчать для нее удар, пока получается.

Тоска вернулась с прежней силой, он даже не заметил, как подпустил ее так близко. Пришлось сосредоточить все усилия, чтобы сменить тему размышлений. Под мерный, привычный уже гул аппарата для гемодиализа это было не так-то просто.

Однако Николай справился: рано прощаться с жизнью, то самое, неизбежное, произойдет еще не завтра, он многое успеет... Должен успеть.

Он заставил себя думать о новой ученице. Николаю пока было непривычно давать кому-то такое определение, однако о своем решении он не жалел. Он не ожидал, что ему доведется еще кого-то обучать, а уж тем более женщину – Вера придушила бы его за такие рассуждения своими руками, однако в пору преподавания Николай так и не нашел среди своих студенток ни одной, из которой получился бы хороший профайлер.

А вот у Таисы шанс есть, пусть даже призрачный на нынешнем этапе. Она умна, этого не отнять, да и подготовлена неплохо. Она в отличной форме, Николаю удалось найти сведения о том, что в школьные годы она даже участвовала в соревнованиях по спортивной гимнастике и проявила себя очень неплохо. Потом бросила. Это Матвей подметил верно: она многое в своей жизни бросала. Карьеру, мужей, отчий дом... Но это было не так уж страшно. Типичные метания человека, наделенного множеством талантов и выросшего в тепличной среде. Такие, как Таиса, самостоятельно становятся яркими полноценными личностями, только если жизнь бьет по ним очень уж сильно. В иных обстоятельствах они продолжают искать себя – или спиваются, что тоже вариант. Николай надеялся, что эту девочку ему удастся направить в нужную сторону.

Щелкнула дверная ручка, предупреждая, что кто-то собирается нарушить его уединение. Хотя понятно, кто – Вера. Больше никого в доме не было. Когда Николай проходил гемодиализ, Гарик даже в дом не заглядывал. Его страх сказать или сделать что-то не то был почти суеверным, и это смешило бы – вот только в такие дни у Николая просто не было сил смеяться. Он воспринимал чудачества ученика с определенным уважением, ведь в их основе лежал страх навредить.

Матвей относился к процедуре спокойней, иногда приходил, чтобы отвлечь Николая разговором. Однако сегодня его можно было не ожидать, он все еще злился из-за того, что, если задуматься, его не касалось. Николай готов был деньги поставить на то, что ближайшие сутки его старший ученик проведет или в спортзале, или в библиотеке, у каждого свои проверенные способы снимать стресс.

А вот жена частенько навещала его во время диализа – проверяла, как он, помогала, если нужно, старалась развлечь. Николай надеялся, что у него получается выглядеть достаточно бодрым, хотя сил на это оставалось все меньше.

– Ты как? – тихо спросила Вера. – Может, позвоним доктору?

– Не нужно.

– Ты не видишь то, что вижу я...

– Зато я знаю, что я чувствую, внутри все не так уж плохо. Не спеши грустить, красавица, я тебе еще изрядно нервы помотаю! Пока что все в порядке... Лучше расскажи мне, что думаешь про нашу сообразительную девочку.

Многие его знакомые считали, что он намеренно женился на женщине намного глупее себя, чтобы им всегда кто-то восторгался. Как же иначе? Без высшего образования, простая повариха, улыбается все время – очевидно, что дура дурой! Изысканные леди не лыбятся.

Николай никого никогда не переубеждал. Его волновало мнение очень немногих людей, а они как раз знали правду. Вера всю жизнь занималась только тем, что было ей интересно. Тратить несколько лет на образование, которое она все равно не использует, она не собиралась, поваром оказалась талантливым, а главное, она легко изучала новое и порой превосходила тех, кто с порога потрясал дипломами. Прожив с Николаем больше сорока лет, она сама стала бы полноценным психологом, если бы захотела.

Она не хотела, но с готовностью помогала ему с учениками. Вот и теперь она не спешила лепить на Таису ярлыки вроде «симпатичная милашка» или «старательная малышка». Вера подошла ближе, заняла стул, который всегда оставался в этой комнате специально для нее.

– Сложно сказать, – вздохнула она. – Девочка очень... непростая.

– Человек с нужными мне данными и не может быть простым.

– Это понятно, но я беспокоюсь, Коля. Чтобы из такой девочки слепить что-нибудь путное, нужно много сил. Ты уверен, что...

Она все же запнулась, испугалась его обидеть. Хотелось ободряюще улыбнуться, да не получалось. Дни сеансов давались ему все тяжелее.

– Уверен, что меня еще достаточно? – устало произнес Николай. – Честно? Не знаю. Но я успею начать, на это время есть.

– Зачем? Прости, если очень резко, но мне нужно знать. В чем-то я согласна с Матвеем: можно было подобрать соискательницу получше. Да, ты уже не работаешь в университете, так ведь многие твои друзья работают! Ты мог бы попросить их дать кому-нибудь рекомендацию, это значительно упростило бы тебе жизнь.

– Да, если бы я собирался взять ученицу, я бы так и поступил. Но я не собирался. Идея появилась сама собой.

– Вот теперь мы дошли до главного, – усмехнулась Вера. – Идея у него появилась... Дело ведь не в самой девочке, да? Она не нуждается в тебе так, как нуждались остальные. Если бы ты не согласился, она бы не сдалась и все равно стала профайлером. Или сдалась бы – потому что это действительно ее привычка. Но ты не был ей необходим... Так почему же?

Ему нужен был отдых. Сейчас утомляли даже слова, тело казалось слабым и непривычно тяжелым, будто свинцом налитым. В такие моменты лучше было не вспоминать, на что он был способен раньше, слишком уж больно ранили такие воспоминания.

В комнате для диализа не было зеркал, и даже окна закрывала специальная матовая пленка. Николай не хотел лишний раз видеть то, во что превратился.

Он несколько минут пролежал с закрытыми глазами, надеясь, что жена сжалится и уйдет. Однако Вера осталась на месте, значит, ей действительно нужен был ответ.

– Преимущества этой девочки как раз в том, что ты считаешь ее недостатками. В ее сытом детстве, психике, не знавшей серьезных ударов, ее эмоциональной стабильности. Я увидел ее и понял, что мой третий ученик должен быть именно таким.

– Я бы не сказала, что она отличается непробиваемой носорожьей шкурой...

– Нет, и не должна. Профайлер обрастает шкурой разве что с опытом, от природы непробиваемые люди куда менее склонны к эмпатии, чем предполагает наша профессия. Но Таиса, она... скажем так, она достаточно молода, сильна и здорова, чтобы держать удар. Я надеюсь, что

после определенной подготовки она научится делать это мастерски. Мне нужен был нормальный здоровый человек, Вера, а не очередной подранок, которого я вытащил прямо из могилы.

– Для чего нужен?

– Об этом я пока говорить не готов.

– Уж не связано ли это с тем, что Матвей уже почти год как отказался от терапии? – поинтересовалась Вера. – Уже очевидно, что она – раздражающий фактор, постоянный стимулятор гнева.

В такие моменты он даже жалел, что женился на умной женщине. Николаю хотелось просто свернуть этот разговор – или соврать ей, тоже вариант. Но совесть не давала сделать ни того, ни другого.

– Я не могу сказать, что дело только в этом. Хотя ты угадала верно, это тоже важно.

– Дурацкая стратегия, – покачала головой Вера. – А то ты не знаешь Матвея! Если этот баран упрется рогом, его даже танк с места не сдвинет. Переехать может, сдвинуть – нет. Лучше прекрати сейчас, эта девочка не предмет, чтобы ее использовать!

– Она получит то, что хочет, – жестко указал Николай. – То, о чем попросила. Все остальное ее не касается. Что же до Гарика и Матвея... Я не собираюсь силой сдвигать их обоих. Я сделаю так, что они сдвинутся сами.

– В смысле?

– Ты помнишь Олега Наумова?

Вера на секунду замерла, сбита с толку такой резкой сменой темы, задумалась, медленно кивнула. Конечно, она помнила Олега. Он годами был другом семьи, заезжал в гости, как его забыть?

Но несколько лет назад Наумов, талантливый судмедэксперт, достиг пенсионного возраста и решил, что с него хватит столичных страстей. Он уволился и перебрался в провинцию, к тишине и покою, как он сам говорил.

Впрочем, оказалось, что хрестоматийные тишина и покой радуют его не так сильно, как он надеялся. Олегу стало скучно, однако не настолько, чтобы снова посвятить себя карьере. Кому-то ситуация показалась бы безвыходной, а он нашел решение: устроился на работу в небольшом городке, где, конечно, пришли в восторг от шанса получить такого специалиста.

Ничего примечательного в той работе не было. На вызовы Олегу приходилось выезжать редко, преступления были банальными донельзя, изучение мертвых тел лишь не позволяло судмедэксперту, как он сам говорил, окончательно врасти в огород. Он не думал, что его может ждать хоть что-то необычное в такой глуши, где девяносто процентов убийств объясняются словами «Пьяный был, так получилось».

А сегодня утром он позвонил...

– При чем тут вообще Олег? – уточнила Вера.

– Он на днях проводил вскрытие девушки, которую обнаружили замерзшей насмерть на сосне. Да и как не замерзнуть, если девушка была обнаженной? Хотя там стоят такие морозы, что, подозреваю, и куртка бы ее не спасла.

– На какой сосне?.. Что за девушка? При чем здесь ты? Начни с последнего вопроса, пожалуйста.

– Олег хочет, чтобы я приехал и изучил это дело. Пока главная версия – несчастный случай, и есть все основания полагать, что так оно и останется, дело закроют. Олег думает, что все намного сложнее – он нашел на теле достаточно доказательств для этого. Он попросил о консультации меня, но мы с тобой прекрасно знаем, что я уже никуда не поеду. – Николай кивнул на аппарат для диализа. – И все же консультацию Наумов получит.

– И кого ты собираешься послать к нему? Только не говори, что девочку! – нахмурилась Вера. – Ей еще рано, ты что!

– Я и не собирался. Одной ей действительно рано. Они поедут туда вдвоем, Вера. Деревня настолько маленькая, что им придется пересекаться, даже если они этого не захотят. Мне нужно проверить, способны ли они работать вместе.

– Зачем? Профайлеру не нужна группа поддержки, ты сам мне говорил. Да и потом, я тебе уже сейчас могу сказать, чем дело кончится. Гарик быстренько подружится с новой девочкой, и они вдвоем будут работать параллельно Матвею, который в искусстве игнорирования людей превзошел даже тебя.

И снова хотелось соврать, сплести словесное кружево, за которым скроется неприглядная правда. Однако Николай уже не мог, только не сегодня. Его тошнило все сильнее, голова кружилась так, что пришлось прикрыть глаза, иначе все вокруг казалось нереальным.

Поэтому и Вере он сказал все, как есть.

– Может, так. А может, все-таки по-другому... Как вариант, они решат, что Олег ошибся и нечего им там делать. Но если они предпочтут остаться, я очень надеюсь, что у меня получится использовать девочку так, как я хочу. Ну а иначе, будем честны: какой смысл мне ее обучать? Я хочу сделать из нее противовес, Вера. Ты прекрасно знаешь, для чего. Это ее первая и единственная возможность показать мне, способна ли она таким противовесом стать.

Глава 4

Матвей прекрасно понимал, зачем старик это устроил. Не одобрял – но понимал. Все, кто входил в близкое окружение Форсова, знали, что ему осталось недолго. Страх смерти поражает даже умнейших людей, заставляет их противодействовать тому, с чем нельзя справиться. Вот и Форсов наверняка увидел в этой девице способ расширить собственное наследие, оставить после себя еще одного человека, который сохранит его знания... и память о нем. Память – это ведь последнее, что остается, когда все остальное давно обратилось прахом.

Так что мотив был Матвею понятен, а все остальное вызывало удивление и гнев. Нет, конечно, можно было представить и менее удачную кандидатуру на роль ученицы... Но зачем сравнивать с худшим, если можно получить лучшее? Таисия Скворцова, при всех своих талантах, была полна недостатков, которые однажды обернутся проблемами и для нее, и для окружающих. Главным из них, безусловно, было отсутствие дисциплины и настойчивости. У Форсова осталось так мало времени, а он готов потратить драгоценные месяцы на ту, кто потом вильнет хвостом, объявит себя подводницей и отправится на какой-нибудь корабль... Вот что выводило Матвея из себя. Он уже видел в этой девице предательницу своего наставника.

Но если не получилось объяснить это сразу, то уже и не получится. К тому же союзников у него нет. На Гарика изначально не было надежды, он с первых минут думал лишь о том, как бы затащить красивую девицу в постель. Матвей больше уповал на Веру, она умела влиять на мужа. Однако Вера, увы, не вовремя решила проявить женскую солидарность, она виновато твердила, что «если Коля так решил, значит так нужно».

Матвею пришлось отступить. Не сдать, а просто дождаться момента, когда девица все же допустит ошибку, на которую можно будет указать с заветным «Я же говорил». До этого Матвей выпускал раздражение в спортзале. Руки до сих пор болели после вчерашней тренировки, на левой кисти уже налился цветом синяк, которого там никак быть не могло, защита обычно от такого спасает... Видимо, он бил слишком сильно. Бывает.

Матвей понимал, что это временная мера. Станет только хуже, если он застрянет здесь и будет вынужден смотреть на спящую по дому девицу. Ему нужно было отвлечься на что-то серьезное, и он даже обрадовался, когда Форсов снова вызвал его к себе. В том, что Скворцову они обсуждать не будут, Матвей не сомневался. Форсов был не из тех, кто добивается своего тупым повторением одних и тех же аргументов. Если старик его пригласил, значит, появилась работа, иначе и быть не может.

И действительно, Вера направила его сразу в кабинет, не в гостиную или библиотеку. Форсов сидел за рабочим столом и даже выглядел здоровым – будто все в порядке, будто времени на самом деле осталось много... Матвей не позволил себе обмануться, от этого в будущем могло стать лишь больнее. Он прекрасно знал, что старик всегда выглядел лучше на следующий день после гемодиализа.

– Для меня есть работа? – поинтересовался Матвей, занимая одно из больших мягких кресел перед столом.

Он говорил спокойно и ровно, показывать свое недовольство он не собирался. До того момента, как Скворцову с позором вышвырнут вон, Матвей планировал делать вид, что ее вообще не существует.

– Да, – отозвался Форсов, не отрывая взгляд от бумаг на столе.

Матвей ждал продолжения, но продолжения не было. Пауза затягивалась, сбивая с толка, пришлось напомнить о себе:

– И?

– Подожди остальных, я не собираюсь отдельно рассказывать для каждого.

– Каких еще остальных? – нахмурился Матвей.

Вопрос был наивным: как будто так много вариантов! Форсов мог бы указать на это, однако он остался спокоен. Он ответил так, будто и правда давал необходимые пояснения.

– Гарика и Таису. Для этого задания нужно будет уехать далеко от Москвы, вместе, поэтому я и вызвал вас всех сразу.

Хотелось возмутиться открыто, слишком уж очевидно нелепой была ситуация. Однако Матвей не планировал попадаться в настолько примитивную ловушку, он говорил с Форсовым так же спокойно, как наставник говорил с ним.

– Ради чего это? Мы всегда работаем по одному.

– Не всегда, были задания, на которые я отправлял вас вдвоем. Ты прекрасно знаешь, что у вас разный подход к работе. Если случай сложный и запутанный, это полезно. Здесь как раз такой.

– Возможно. Но при чем тут Скворцова? У нее вообще никакого подхода нет.

Форсов все-таки заставил его говорить о девице, хотя Матвей еще этим утром не сомневался, что будет игнорировать ее существование... Это бесило бы, если бы не тонкость исполнения.

– Вот именно, – подтвердил Форсов. – Ей нужен опыт. Ты знаешь, как я обучаю: я не собираюсь ни с кем из вас сидеть в библиотеке и рассказывать сказки о буднях профайлеров. Я отправляю вас на работу и вмешиваюсь, только если возрастает шанс отделения головы от тела.

– Не думаю, что Скворцовой стоит начинать практику с реально сложного дела.

– Вот поэтому она и будет там под присмотром. Я не ожидаю, что твоим, но Гарик наверняка вызовется помочь ей. Скажи мне, Матвей... Она безнадежна? Она бездарна? Ты считаешь, что я прельстился только ее красотой, на старости лет окончательно слетел с катушек?

– Я такого не говорил, – покачал головой Матвей. – Все, что нужно, я объяснил сразу.

– Тогда мы проверим, ошибся ты или нет. Если ты не способен себя контролировать и не срываться на капризы, ты можешь это задание пропустить, все равно толку от тебя в таком состоянии не будет. Я отправлю туда Гарика и Таису, а для тебя позже подыщу что-нибудь другое, более подходящее для твоих душевных терзаний.

Матвей сжал руку в кулак, прекрасно зная, что из-за стола этого не видно. Предельное напряжение мышц, болезненное даже, давало ему точку опоры. Когда хотелось сорваться на гнев, он просто заставлял себя чувствовать такой «якорь», обозначать свое место во времени и пространстве, пусть даже через дискомфорт. Думать сначала об этом, а потом уже обо всем остальном, противостоять хаосу.

Благодаря этому они с Форсовым со стороны казались равными во всем, Матвей и теперь не сорвался.

– Хорошо, пусть будет так. Я имею в виду, мы отправимся втроем. Я ни от чего отказываться не собираюсь, потому что тогда работать будет и вовсе некому.

– Рад это слышать.

Гарик и Скворцова присоединились к ним минут через пять. Они вряд ли опоздали – Гарик еще мог бы, а вот девица слишком волновалась, чтобы позволить себе такое. Значит, Форсов намеренно пригласил Матвея пораньше, чтобы погасить любые споры. А ждать в тишине им пришлось, потому что и споров особых не было. Матвею хватало внутренней уверенности в том, что он прав, а остальные могут хоть головы об стену порасшибать, доказывая обратное.

Он опасался, что девица снова начнет улыбаться ему, кокетничать, делать вид, что очень рада. Но нет, она оказалась умнее. Скворцова просто заняла одно из кресел, она смотрела только на Форсова, не обращая внимания на остальных. Старик же в ее присутствии снова нацепил маску добродушного учителя, который хочет всем помочь и всех непередаваемо любит.

– А, собрались, дорогие мои, рад видеть! Думаю, Вера уже сказала вам, в чем дело. Вам предстоит небольшая командировка. На добровольных началах, так сказать: гонорар за саму работу вы не получите, да и непонятно, будет ли там вообще работа, это вам и предстоит проверить. Но расходы на дорогу, проживание и питание я вам оплачу. Это устраивает?

– Как всегда, – отозвался Гарик.

Девушка только кивнула. Матвей едва сдержал презрительную улыбку. Он уже знал, что с прошлой работы она давно уволилась – и пробыла там слишком мало, чтобы обзавестись серьезными накоплениями. Получается, сейчас она живет за счет отца, от которого старательно пытается сбежать в другую профессию. Очевидный инфантилизм, который Форсов наверняка видит, просто игнорирует.

– Это хорошо, – объявил Форсов. – Давайте я расскажу вам официальную версию дела, которым попрошу вас заняться. Начинать, как водится, лучше с начала.

А в начале у них была Дарья Виноградова – девятнадцатилетняя девушка, работавшая продавцом на заправке у загородного шоссе. Одним январским вечером она отправилась с работы домой, Даша жила в деревне, до которой можно было быстрым шагом дойти минут за тридцать. Вот только дома девушка так и не появилась...

Ее нашли через два дня, совершенно случайно. Отдыхающие из Москвы приехали поспать с квадрокоптера зимние красоты, которых в тех краях действительно было немало. Вот только среди сияющих от снега ветвей они обнаружили труп пропавшей девушки. Даша умерла от переохлаждения, на дерево она забралась обнаженной, до утра уже не дотянула, а не нашли ее раньше... потому что не искали. Родители не обращались в полицию, считая, что дочь, молодая, бойкая и своенравная, попросту где-то загуляла, им это показалось вполне нормальным. Впрочем, даже если бы поиски начались вовремя, Даше это не помогло бы – судмедэксперт установил, что она умерла в ночь своего исчезновения. Ее тело вряд ли обнаружили бы без того злополучного квадрокоптера, слишком уж надежно Дашу прятали густые сосновые ветви.

Официальная версия получилась пусть и жуткой, но безопасной для окружающих. Дашу никто не убивал, она погибла сама. Предполагалось, что она заблудилась в сильной метели, окончательно потеряла направление и очутилась в лесу. А леса в тех местах далеко не декоративные полоски деревьев, какие можно встретить у больших городов. Там сосны поднимаются на десятки метров от земли, там воют волки, а широкие еловые лапы закрывают небо...

Даша заблудилась, окончательно потеряла направление, не смогла добраться домой. В какой-то момент она поддалась переохлаждению и почувствовала сильный жар, такое иногда случается. Не осознавая до конца, что делает, Даша сама сняла одежду, вот только жар не прошел. Она погибла бы на земле, но ее напугали волки. Спасаясь от хищников, Даша забралась на дерево, затаилась там, ожидая утра, и в итоге погибла.

Версия казалась не слишком правдоподобной, но никаких прямых улик, указывающих на насильственную смерть, не было. Все травмы девушка нанесла себе сама, случайно, на ее теле не осталось следов сопротивления. Проверка по делу еще проводилась, однако скорее как формальность. Никто не собирался гоняться по заснеженным лесам за призраком.

– Но? – поинтересовался Матвей, когда Форсов закончил рассказ. – Если мы отправляемся туда, значит, подозрительных моментов хватает.

– Так уж вышло, что вскрытие проводил мой старый знакомый Олег Наумов. Хороший профессионал, совсем недавно переехал в провинцию, раньше работал здесь, привык к сложным делам... Он подтвердил, что Даша умерла сама и от переохлаждения. Но указал он и на детали, которые нельзя игнорировать.

– Например? – уточнил Гарик.

– Например, на то, что к месту смерти Дарьи ближе всего расположена деревня Змеегорье, к которой погибшая не имела никакого отношения. Жила Дарья в деревне Черемуховой, расположенной по другую сторону шоссе от того леса.

Это действительно было странно. Матвей прекрасно понимал, что ночью в сильную метель могут заблудиться даже местные. Но пересечь шоссе и не заметить этого? Каковы шансы? Движение там наверняка не останавливается ни днем, ни ночью. К тому же, если бы Дарья добралась до дороги, она бы получила идеальный ориентир, который помог бы ей дойти до дома, а не метаться по лесам.

– Ее одежду не нашли, – продолжил Форсов. – Искали, конечно, маловато... Но, если бы версия полиции была верной, поиски и не должны были стать долгими. Дарья разделась, уже поддаваясь обморожению. Она не могла отойти от своих вещей очень уж далеко.

– Ее могли спугнуть волки, тогда она бежала, – заметила Скворцова.

– Но тоже не слишком далеко – утомленная, замерзшая. Вероятнее всего, от волков она сразу полезла на дерево. Остается неясным, куда исчезла ее одежда. Считается, что вещи замело снегом, ведь была метель. Однако с тех пор лес не раз осматривали охотники с собаками, вот только им не удалось обнаружить ни одной вещи, принадлежавшей Дарье.

Матвей прекрасно видел, почему этот случай насторожил человека, который сталкивался с более серьезными преступлениями, чем украденная курица или пьяная поножовщина. Девушка, прожившая в этих местах всю жизнь, просто не могла заблудиться настолько безнадежно и бездарно. К тому же в ту ночь была метель – а метель обычно не предполагает сильный мороз. Насколько быстро замерзла Дарья, почему решила раздеться? Нет, этот поступок притянут за уши...

– Травм, нанесенных кем-то другим, точно не было? – не выдержал Матвей, хотя понимал, что это непрофессиональный подход.

– Точно. Но были травмы, которые Олег считал подозрительными, хотя и они были нанесены Дарьей самой себе случайно. У нее на руках не хватало шести ногтей – они были вырваны частично или полностью. Предполагалось, что все это произошло, когда она карабкалась на дерево. Люди в таком состоянии плохо чувствуют боль или не чувствуют вообще, она могла покалечиться. Настораживает тут другое: при изучении дерева нашли только четыре ногтя. Остальные либо затерялись в снегу, либо были удалены в другом месте. На второй вариант намекает еще и то, что под кожей погибшей нашли щепки обработанной древесины, старых досок, а вовсе не коры дерева, на которое она залезла.

– То есть перед тем, как забраться на дерево, она была где-то еще? – догадалась Скворцова.

– Да, но и там ее не удерживали силой – или она потратила совсем немного усилий на побег. Все это не означает, что она была убита. Но это дает серьезные основания для проверки.

– Может, изнасилование или еще какое извращение имело место? – предположил Гарик. – Ну, раз она голой была...

– Изнасилования точно не было, на вскрытии обнаружилось, что погибшая была девственницей. Однако, полагаю, вам интересно будет узнать, что при этом она была беременна.

Форсов сообщил им это обыденно, просто как один из фактов, связанных с делом. Матвей не сомневался, что ему удалось остаться невозмутимым – хотя бы внешне. Зато остальные и притворяться не собирались: Гарик уставился на старика так, будто тот только что ухо на лбу отстранил, Скворцова чуть с кресла не свалилась.

– Ни одной шутки на религиозную тематику, – холодно велел Форсов. Гарик, только собиравшийся заговорить, поспешно прикрыл рот. – Предвосхищая очевидные вопросы, да, такое возможно с медицинской точки зрения. Нам интересней другое: все знакомые Дарьи были убеждены, что она ни с кем не встречается, ее родители о беременности не знали. Возможно, не знала и она сама, срок был маленький, никаких визуальных признаков еще не появилось, а сохранение девственности могло убедить Дарью, что у задержки цикла хватает иных причин, кроме очевидной.

– Ну или неведомый папочка мог узнать о беременности и не обрадоваться, – указала Скворцова.

– Не нужно строить никакие теории сейчас, так мы далеко не продвинемся. Я бы хотел, чтобы вы трое отправились в Змеегорье, поговорили с Олегом, осмотрели тело, пообщались с местными. Мы не знаем, есть ли в этом случае убийца, но предположим, что есть, иначе наше вмешательство бессмысленно. Составление профиля убийцы всегда начинается с единственного элемента истории, известного наверняка, – жертвы. Этим вы и займетесь.

Матвей прекрасно понимал, почему Форсов не мог пройти мимо такой истории. Это не какое-нибудь тренировочное задание для новенькой, тут все серьезно. Беда еще и в том, что полиция сможет не так уж много – не из-за некомпетентности даже, просто потому что есть нормы и правила. Дарья не была убита. Не была изнасилована. Не была похищена. Нет ни одного четкого указания на нарушение закона. А вот если им удастся найти такие указания, многое может измениться.

Другое дело, что для подобной работы хватило бы одного Матвея, решение отправить туда всех он считал более чем спорным. Но говорить об этом не было смысла, и он покинул кабинет первым. Задерживаться он не собирался, ему нужно было собрать вещи и уехать при первой возможности, чтобы большую часть пути преодолеть до наступления темноты.

На этой вынужденной встрече свое общение с остальными он считал исчерпанным, однако обрадовался он рано: Скворцова догнала его, когда он уже направлялся к калитке.

– Матвей, подожди!

Она показательно игнорировала его просьбу о той дистанции, которую сохраняло обращение на «вы». Просить ее второй раз Матвей не собирался, он просто хотел сократить встречи с ней до минимума. Он даже оборачиваться не стал, просто замер, давая Скворцовой шанс обойти его и остановиться в паре шагов.

– Что?

– У меня машины нет, – обезоруживающе улыбнулась Скворцова. – Можешь подвезти?

– Туда ходят автобусы.

– Если очень повезет, и шанс замерзнуть в них лишь немногим меньше, чем голой на верхушке сосны.

– Не любишь автобусы – попроси Гарика.

– Я тебя прошу.

Конечно, его. Потому что Гарик ей уже наверняка предложил. Да и машину можно взять напрокат, если эта девица водить умеет. Однако дело было вообще не в машине, вот в чем подвох. Теперь, когда девица была официально принята Форсовым, она делала новую попытку наладить контакт, совсем как при первой встрече. Несколько часов, проведенных в машине наедине, давали возможность многое обговорить...

Только Матвею это было не нужно.

– Мне предстоит серьезная работа, – отметил он. – И я планирую сосредоточиться только на ней, не тратя энергию на проблемы поменьше вроде тебя.

– Я просто хочу как лучше, – напряженно произнесла Скворцова, легко выдерживая его взгляд. Глаза у нее и правда были красивые... Но в их профессии это не достоинство, а обстоятельство.

– Хочешь как лучше – сиди дома, – рассудил Матвей. – Однако что-то мне подсказывает, что правильно ты не поступишь, так что – счастливого пути! Раз уж влезла во все это, постарайся не стать еще одной жертвой, большего я от тебя не ожидаю.

* * *

– Как можно быть таким засранцем?! – бушевала Таиса. – Эталонным! Как будто только что из музея мер, весов и засранцев сбежал!

Она понимала, что толку от таких рассуждений не будет, но гнев нужно было выпустить. Слишком уж показательно Матвей ее проигнорировал... дважды. Однако первый раз она готова была спустить на тормозах: он и правда узнал о ней много неприятного, он не верил, что она останется. А теперь-то что ему мешало? Таисе казалось, что вражда в команде – последнее дело, особенно на сложном задании. Она давала Матвею шанс быстро проскочить неловкий момент и работать нормально.

А в ответ получила очередной презрительный взгляд.

Естественно, на автобусе она добираться не стала, поехала вместе с Гариком. Он сразу предложил это, но Таиса пояснила, что хочет наладить контакт с Матвеем. Гарик уже тогда посмотрел на нее странно, будто знал, чем это закончится. Однако возражать он не стал, решил позволить ей набивать шишки самостоятельно.

Ей оставалось лишь радоваться, что хотя бы с Гариком было легко – и спасибо мирозданию за это. Сначала Таиса и ко второму ученику Форсова присматривалась с осторожностью, но Гарик всегда казался одинаковым: непробиваемо спокойным, искренне жизнерадостным.

Она надеялась, что и сейчас он ее поддержит. Не похоже, что ученики Форсова были так уж дружны... или вообще дружны. Раньше Гарик вполне спокойно подшучивал над коллегой, а теперь вот затаился, сделав вид, что полностью сосредоточен на дороге.

Таиса, конечно же, заметила это, перестала возмущаться и покосилась на него с удивлением:

– Считаешь, что я не права?

– Права по-своему – с учетом твоих знаний и жизненного опыта. Но тут нужно делать поправку именно на Матвея, на его историю.

– Которой я не знаю.

Она пыталась узнать – и имела на это полное право после того, как Матвей бесцеремонно порылся в ее прошлом. Однако найти информацию о нем оказалось почти нереально, в открытых источниках ничего не было, а к полицейским архивам она и не надеялась подобраться. Судя по тому, что она уже услышала, Матвею доводилось раскрывать сложные дела, но он старался не привлекать к себе внимание.

Гарик, понятное дело, знал куда больше... Интересно, сколько они уже знакомы? Наверняка не один год, тут и расспрашивать никого не надо, невольно важные факты узнаешь. И вот эти самые факты сейчас не давали Гарику шутить и насмехаться.

– Тебе и не нужно знать, – вздохнул он. – Это никак не поможет тебе его понять, скорее, помешает. Матвей, он... у него реально все сложно в жизни было до того, как он к Форсову попал. Кстати, попал сначала пациентом, а потом уже стал учеником.

– Пациентом? Форсов же профайлер!

– Ну прям, образование такое в СССР было – профайлер! Психиатр он изначально был, дальше уже покатило. С Матвеем он познакомился намного раньше, чем со мной, так что я лично это все не наблюдал, так, узнал кое-что... И даже тем, что узнал, мне не стоит делиться, потому что это неправильно. Могу только сказать, что Форсов его буквально по кусочкам клеил, и то, что есть сейчас, вообще не похоже на то, что было раньше.

– И что? Я должна восхищаться им за это и принимать любые его закидоны?

– Опять же: просто держись от него подальше. У Матвея очень узкий круг близких знакомых, туда доступ годами получают. А тебя, выходит, в этот круг впихнули ногой. Не дави

еще больше. Испробовала метод, который не подводил тебя с детского сада, – подари лопатку и играйте вместе, – не получилось, вот и отстань.

– Ты ведь понимаешь, что это не единственный путь? Вариант номер два – узнать о нем все, что знаешь ты, наладить контакт с учетом этого...

– Не надо, – прервал ее Гарик. – Вот даже не начинай. Сейчас ты ему просто до чертиков не нравишься. Но если ты узнаешь о нем всю правду, станет только хуже.

– Почему это?

– Потому что ты попытаешься его спасти. А за такое он ненавидит.

Таиса по-прежнему ничего не понимала, но желание лезть глубже окончательно отпало. В конце концов, Матвей – не несчастная маленькая девочка, обиженная злыми дядями, он почти двухметровый лось, с которым не стоит вот так носиться. Он при любом раскладе заслуживал меньше сочувствия, чем замерзшая насмерть Даша Виноградова.

Ей действительно хотелось помочь... Хотя какая может быть помощь мертвецам? Это, скорее, самообман живых: вера в то, что ушедшим есть хоть какое-то дело до этого света.

Таиса старалась не спешить с выводами, она еще не была уверена, что Дашу действительно убили. По данным, которые получил Форсов, и правда нельзя было разобраться, что там произошло, возможность лично съездить и посмотреть значила куда больше. Таиса ожидала, что сам Форсов поедет с ними... про гемодиализ она тогда еще не знала. Но это от нее как раз никто скрывать не стал, и тем больше она ценила то, что пожилой профайлер все-таки согласился потратить время и силы на ее обучение. Чем меньше сил, тем они ценнее...

Но до деревни было еще далеко, злиться на Матвея больше не хотелось, потому что от этого не было никакого толку, и Таиса предпочла сосредоточиться на видах за окном.

Виды и правда поражали. Чем больше они отдалялись от столицы, тем совершеннее становилась зима. Она засыпала густым тяжелым снегом леса, делая их черными, белыми и зелеными. Она укутывала поля и луга в невесомые облака искристого сияния, на которое невозможно было долго смотреть – солнце слепило так, что слезились глаза. Зима рисовала льдом, выстраивала причудливые скульптуры, заставляла горизонт мягко, акварельно уходить в небо... Порой Таисе казалось, что все это вообще не по-настоящему. Не бывает так идеально! Она, должно быть, просто заснула в машине Гарика, и теперь ей снятся все эти пейзажи, которые она совсем недавно видела на новогодних открытках.

Впрочем, для девушки, потерявшей в лесу, такое же великолепие обернулось смертью. Эта мысль отрезвляла, заставляя вспомнить истинную цель их поездки.

Ночью они остановились в небольшой придорожной гостинице. Таиса подозревала, что при желании в этом здании можно насобирать даже штаммы болезней, которые лет двадцать считаются исчезнувшими. Но это все равно было чуть безопасней, чем продолжать дорогу ночью, после долгих часов за рулем. Гарик возмущенно указывал, что он в порядке и может еще хоть год автомобилем управлять, не поднимаясь с кресла. Таиса заявляла, что эти гигиенические извращения он может проделывать в любое другое время, когда на пассажирском сидении не будет особо ценного груза.

Финальная часть маршрута показала, что права была как раз Таиса. Да, на трассе продолжать дорогу можно было в любое время суток, фонари работали исправно. Но дальше их ожидал поворот на Змеегорье, и вот тут дневной свет оказался очень кстати. К деревне вела единственная узкая дорога, неплохо расчищенная и даже избавленная снегом от глубоких ям. Но к ней все равно нужно было отнестись с должным вниманием, одно слишком резкое движение, один занос – и машине пришлось бы дожидаться весны под сплошным слоем снега. Пассажирам, возможно, тоже.

Таиса оставила испытание дорогой своему спутнику, она сейчас смотрела только на близкую стену леса. Древние деревья были отделены от шоссе широкими полями, но по мере приближения можно было рассмотреть их, восхититься густой зеленью ветвей... невольно

приглядываясь внимательней, проверяя, нет ли там других трупов. Лес действительно был великолепен, однако его красота даже на уровне инстинктов призывала любоваться ею изда- лека и ни в коем случае не соваться на территорию вечной тени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.